

роким применением аллегорий и образов из Священного писания. Однако не исключено, что в завуалированной форме в них передана и деловая информация. Так, в «Предисловии» сообщается о самом факте составления сборника копий и приводится дата этой работы: «Да для любви Белоусов не отказал и Еригину дружественную титулу ему положил на бумаги. И послано, что есте писано в Стокхольме в 7174 году ноября месяца 28 д. 1665»; в «Приветствии к сротству» упоминается о каком-то разорении; в «Приветствии другу», возможно, обсуждаются политические или деловые шаги, предпринятые друзьями: «. . . разума окруженные стены тверды, любовьию убо умудрихся и союза еще тверда», «о истинне не молчит, а наученным разума ведает правду. Кто ли взыде от леторасли, но любовьию свяжем протших. . .». Содержание этих маленьких посланий могло быть понятно только посвященному.

Главным литературным памятником сборника является Плач о реке Нарове («О плач Наровеск») (л. 89 об.), сочиненный Б. Как и предыдущие послания, Плач написан в витийственной манере. Патетическое обращение к реке «О преславная Нарова» встречается в небольшом сочинении девять раз. По мнению Д. С. Лихачева, Плач многими чертами напоминает акафист и представляет собой пример использования церковно-богослужебной формы в произведении светского содержания, что характерно для XVII в. Б. интересовался формами литургических сочинений: в сборнике следом за раскрашенным рисунком «София созда себе дом» (л. 80) им переписаны Тропарь Софии премудрости божией, глас 4; Кондак, глас 4 (л. 80 об.) и Тропарь святых Софии, глас 1; Кондак, глас 8 «под возбранной» (л. 81).

Плач о реке Нарове посвящен тем же бедам русских, о которых говорилось в грамоте Б., — выселению из родных мест: «О преславная Нарова, аще забудем тебя, егда изведени с плачем и воплем многим, иж срамляются суседи наши зрети ны в толиком смирении и безъчестьи и срамоте». Автор горюет о реке Нарове, питавшей тех, кто населял ее берега: «О преславная Нарова, от твоего недра изято бестрашнаго бога изволением на пищу плоти человечестей», но теперь «в недре твоём уселися населницы».

Весь сборник написан белорусской скорописью XVII в., содержит белорусизмы и украинизмы. Это указывает на белорусское происхождение Б. По свидетельству Д. С. Лихачева, «главный интерес Плача и сборника в целом в том, что он отражает литературную культуру тех областей Русского государства, которые почти на столетие оказались оторваны от него и тем не менее сохраняли с ним живую идейную связь».

Соч.: Л и х а ч е в Д. С. Плач о реке Нарове 1665 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 333—338.

Лит.: П е т р о в А. В. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб., 1901. С. 161—178; История Эстонской ССР (с древних времен до наших дней) / Под ред. Г. И. Наана. Таллинн, 1952. С. 99—101, 109.

М. Д. Каган

Богданов Федор Григорьевич (вторая половина XVII в.) — стольник, переводчик. В 1676 г. в Москве перевел с польского языка труд Петриция по экономике (P e t r u s S. *Ekonomika Arystotelesowa albo racrej nauka domowego gospodarstwa*. Kraków, 1601, 1618). Перевод носит заглавие «Экономики Аристотелесовой, сиречь домостроения . . . книги двою», содержит прибавления («придания») переводчика о семье, о воспитании. Текст не получил широкого распространения, известен в 2—3-х списках XVII в.: собр. Баузе, № 268, 233; а также XVIII в.: ГБЛ, собр. Пискарева, № 627. Перевод не издан.

Лит.: Ш л я п к и н И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891. С. 86; С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 45, 116; К а р а з и И. В. Каталог славяно-российским рукописям (погибшим в 1812 году) профессора

Баузе // ЧОИДР. 1862. Кн. 2: Смесь. С. 64, 67; В и к т о р о в А. Е. Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. после Д. В. Пискарева. М., 1871. С. 53—54.

О. А. Белоброва

Боголеп Адамов (вторая половина XVII в.—13 I 1726) — епископ Великоустюжский и Тотемский, автор «Хронографца», книголюб. В 1680—1690-х гг. Б. А. — иеромонах, а после кончины патриарха *Адриана* — казначей Чудовского монастыря, откуда, вероятно, около 1714 г. переведен уставщиком в Александро-Невский монастырь; 29 января 1719 г. был хиротонисан в епископы Великоустюжские и Тотемские. В Устюжском районном краеведческом музее сохранилась грамота, подписанная архиепископом Б. А. (Документальные материалы, № 3, от 20 июня 1725 г. — подлинник с печатью), других же сведений о получении им этого звания нет. В литературе известен в основном как книголюб и переписчик книг. Иеромонаху Б. А. принадлежал список «Зрелища жития человеческого», сделанный примерно в конце 1680—начале 1690-х гг. (ГПБ, Q.XV.103). Казначеем Б. А. были сделаны владельческие записи еще на трех рукописях конца XVII в., в том числе на списках новых переводов «Хрисмологииона» и «Зеркала богословия», отмечены и три рукописи епископа Б. А.

Бросающаяся в глаза задержка в продвижении Б. А. по служебной лестнице в последней четверти XVII в., сменившаяся быстрым взлетом в петровское время, была связана, по-видимому, с его взглядами. Они нашли отражение в историко-публицистическом «Хронографце», написанном им примерно в 1688 г. (между осенью 1687 и летом 1689 г.) на основе *Летописного свода патриаршего 1680-х гг.* и дополненным оригинальными летописными записями XVII в. Повествование ведется с древнейших времен и оканчивается статьей о регентстве царевны *Софьи Алексеевны*, о которой автор, несмотря на враждебность к ней патриарха *Иоакима*, отзывается с большим уважением. Другим примером расхождений во взглядах с патриархом является приведенная в «Хронографце» похвала царю *Феодору Алексеевичу* за утверждение проекта Славяно-греко-латинской академии. Похвала эта воздавалась вскоре после того, как в результате продолжительной борьбы Иоакиму «со товарищи» удалось похоронить проект заведения в России «училища свободных мудростей». Сравнительное изучение текста показывает, что оппозиционность Б. А. имела идеологические корни: в своем «Хронографце» он развивает отвергнутую еще *Никоном* мысль о переходе центра православия из Греции в Россию, основанную на теории «Москва — третий Рим» (вполне в духе *Арсения Суханова*). Как известно, эта мысль была органически связана с утверждением о потере греками благочестия, вследствие чего они «и царскую Божию погубиша власть», она подрывала саму основу позиции Иоакима, пытавшегося идеей «учиться у греков» приостановить процесс развития европейского образования в России. Если Б. А. и не выражает в своем сочинении явно антигреческих взглядов, то к идее сохранения греками благочестия относится весьма скептически, начисто отрицая за ними «первенство» в религии.

«Хронографец» открывал собой сборник, формировавшийся автором в 1690-х гг., и дал ему свое название (ГБЛ, ф. 218, Пост. 1963 г., № 61.1, л. II, 1—44). В сборник вошли еще несколько написанных рукою Б. А. статей: выписки из принадлежавшего ему списка «Хрисмологииона», доведенные до 1670 г. (л. 77—86 об., ср.: ГИМ. собр. Уварова, № 1325, л. 216), списки с переводов греческих посланий *Никону* и *Алексею Михайловичу* об отсылавшихся в Россию церковных реликвиях (л. 88—107) и список великих князей и царей, погребенных в Архангельском соборе (с 6840 по 7200 г. — л. 108—111). Все они датируются 1690-ми гг. и представляют собой материалы для подкрепления взглядов, изложенных в «Хронографце». Кроме того, в сборник были включены Краткий летописец рус-

ских князей и царей (от Рюрика до 1696 г. — л. 45—55 об.) и Краткий летошнец российских патриархов (до 1700 г. — л. 57—59), выпись из «Помянника киевского» 1704 г. (л. 62—76), трактат о церковной хронологии (с таблицами — л. 114—162, 174 об.—180 об.), пасхальная азбука (л. 166—173 об.), переписанные другими лицами в первые годы XVIII в. Эти статьи уже не имеют полемической направленности, отражая лишь разносторонние интересы собирателя книг. Четкой идейной направленности лишена также и другая редакция «Хронографца» в белой рукописи Государственного литературного музея (инв. № 50909/38, л. 135—145), сзданная не позднее августа 1689 г.

Соч.: Богданов А. П. «Хронографец» Боголепа Адамова // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 381—399.

Лит.: Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 735; 2) Словарь. С. 307; Никольский Рукописная книжность. С. 128—129.

А. П. Богданов

Болотников Иван Исаевич (ум. 1608) — предводитель восстания крестьян и холопов 1606—1607 гг., автор «подметных листов», крепостной холоп князя А. А. Телятевского. Б. в молодости бежал к казакам в степь, был захвачен в плен татарами и продан в рабство в Турцию. В Турции несколько лет работал на галерах, пока не был освобожден немецкими корабельщиками и перевезен в Венецию, где услышал о «чудесных изменениях», происшедших на родине в начале 1606 г., о растущем народном протесте, восстании 17 мая против Лжедмитрия I и избрании на царство Василия Шуйского. Европейские странствия Б. — от Турции до Венеции — завершились его переходом через Германию и Польшу в Россию. Перед тем как покинуть Польшу Б. виделся с новым Самозванцем, выдававшим себя за царевича Дмитрия Ивановича (по предположению И. И. Смирнова, с политическим авантюристом М. А. Молчановым, с которым позднее, в ходе восстания, Б. переписывался и поддерживал связь). Начавшаяся летом 1606 г. на юге России крестьянская война охватила огромную территорию, и в октябре отряды восставших, которые возглавил Б., осадили Москву. Потерпев 2 декабря 1606 г. поражение под стенами столицы, войска Б. отступили к Калуге и, успешно выдержав там осаду царской армии, в мае 1607 г. одержали блестящую победу. Далее Б. повел войска в Тулу на соединение с отрядами «царевича» Петра Федоровича. В июне 1607 г. отряды Б. были осаждены в Туле армией Василия Шуйского, и 10 октября под тяжестью длительной осады, голода и наводнения Тула пала. Б. был сослан в Каргополь, ослеплен и утоплен.

В качестве идеологического оружия Б. использовал письменную и устную агитацию, рассылая в Москву и окрестные города свои прокламации, так называемые подметные (воровские) листы. Тексты «листов» Б. не сохранились, но содержание их может быть в какой-то мере восстановлено по другим источникам (грамотам патриарха *Гермогена*, свидетельствам иностранцев, документам Разрядного приказа, древнерусским литературным памятникам, описывающим эти годы). «Листы» из подмосковного села Коломенского призывали «боярских холопов» и городские низы столицы к восстанию против бояр и крепостничества («побивати своих бояр . . . гостей и всех торговых людей побивати. . .»), к целованию креста «царю Дмитрию», которого они «сказывают . . . жива», и требовали выдать по именам тех бояр и «лучших» горожан, которые покушались на «прежнего государя». Агитационное воздействие «листов» Б., судя по росту волны восстания, было огромно. Оно зависело не только от социальной остроты и антифеодальной направленности призывов, но также и от эмоциональной выразительности, простоты и убедительности их языка. О форме «листов» можно говорить лишь предположительно: очевидно, они

были близки к грамотам агитационного характера, которыми усиленно обменивались русские города в 1608—1612 гг., особенно в канун формирования первого и второго народных ополчений. Выступая, как все восставшие крестьяне, под лозунгом «за хорошего царя», Б. считал себя «большим воеводой» царя Дмитрия и «боярином» царевича Петра, племянника царя Дмитрия (избранника терских казаков Илейки Муромца), готового пойти на помощь царю Дмитрию против «лихих» бояр. Следует при этом учитывать, что в представлении восставших идеальный «царь Дмитрий» ничего общего не имел с историческим Лжедмитрием I и был в их глазах жертвой «лихих» бояр, которые помешали ему облагодетельствовать народ. Верил ли сам Б. в истинность царя Дмитрия, этот вопрос остается открытым, но он действительно безуспешно ожидал прихода царя Дмитрия и во время осады Москвы, и в осажденной Туле.

Лит.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 57. С. 129; № 58. С. 132; № 203. С. 254; Прил. 4. С. 552—554; Смирнов И. И. 1) Английское известие 1607 г. о восстании Болотникова // ИЗ. М., 1942. Т. 13. С. 302; 2) Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1951. С. 138—143, 282—287, 423, 501—511, 544—555; Тихомиров Н. М. Новый источник по истории восстания Болотникова // ИА. М., 1951. Т. 6. С. 116; Зимин А. А., Королёва Р. Т. Документы Разрядного приказа // ИА. М., 1953. Т. 8. С. 26, 51; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958. С. 10—14.

Н. Ф. Дробленкова

Бурцов Василий Федоров (первая половина XVII в.) — московский типограф-издатель. В 1626/27—1631/32 гг. служил при князе Р. Болховском писцом в Епифанском, Веневском и Тульском уездах и с Иваном Загряжским — в Соловьевском уезде (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 74). В начале 30-х гг. поступил из подьячих на службу на Московский Печатный двор. По предположению А. С. Зерновой, начинал печатать на одном из станов типографии, на что указывают особенности в оформлении ранней работы мастера — Псалтири конца 1632 или начала 1633 г. (издание определено и датировано по шрифту и орнаменту А. С. Зерновой — см.: Орнаментака. . . С. 23—24). Однако вскоре Б. обособился от Печатного двора. По приказу патриарха *Филарета* в 1632—1633 гг. ему была выдана из средств Патриаршего разряда и из книжного Печатного приказа субсидия (1132 р. 5 алтын) на устройство «новой штаббы». Она разместилась в «одинокой горнице» с двумя станами (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, кн. 15, л. 2 об., 25 об., 30 об.). В послесловии к Часовнику 1633 г. об учреждении типографии сказано: «Составися сия новая штабба, сиречь печатных книг дело. . .». В других изданиях отделение называется «друкарней нового заводу», «новой штаббой словесного изображения» (Канонник 1641 г.; Требник 1642 г.). В документах Б. упоминается как подьячий «нового Печатного завода» (см.: Беляев И. С. Росписной список Москвы, 1638 // Труды московского отдела Русского Военно-исторического общества. М., 1911. Т. 1. С. 7). Под руководством Б. работали 25 мастеровых. Выплатив ссуду (причем часть долга Б. погасил книгами из своего собрания), он стал арендатором типографии. Б. был не только мастером печатного дела, но и резчиком типографских букв и носил особый титул «подьячего азбучного дела». Ему было положено жалование 60 р. в год (см.: ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, кн. 15, л. 67 об.—68, запись от 1633 г.).

Оценивая роль Б. в книжном деле, Евгений Болховитинов и Филарет Гумплевский включали его в число русских издателей и писателей, приписывая ему авторство Букваря 1634 г. Согласно другому мнению (см. статьи в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефроса и в РБС), Б. заведовал в типографии лишь технической стороной дела; справщиками и редакторами книг, вышедших из «штаббы», были другие лица. В послесловии к Требнику 1642 г. сказано: «Спотруди же ся в сей типографии,

сиречь в печатном тиснении . . . и во всяком составлении . . . Василей Федоров сын Бурцов». По-видимому, Б. руководил книгоиздательским процессом на всех его этапах — от составления книги до выпуска ее в свет. И в этом смысле фигура Б. сопоставима с крупнейшими восточнославянскими просветителями конца XVI—первой половины XVII в. — *Иваном Федоровым, Онисимом Радишевским, Кириллом Транквиллионом Ставровецким*. Б. был последним деятелем Печатного двора, имевшим должность книгопечатного мастера, т. е. руководителя печатными работами. После него Печатным двором и его станами управлял Приказ. С окончанием работ в 1642 г. Б. не отдал и не продал свой инвентарь Печатному двору. Шрифты, печатные доски, большая часть печатных украшений были утрачены навсегда. Последнее известие о Б. относится к 1647—1648 гг., когда мастер продал на Печатный двор из своей книжной коллекции несколько пергаменных рукописей на изготовление фрашкетов (см.: Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916. С. 197).

Б. выпускал ежегодно 2—3 издания, в то время как Печатный двор выпускал в этот же период от 5 до 7 изданий. Принято считать, что из «штамбы» Б. вышло 17 изданий (описание их см. в «Сводном каталоге» А. С. Зерновой). В настоящее время на основании опубликованных архивных данных число их можно увеличить до 20: предполагается, что кроме известного Часовника от 30 IX 1633 г. имелось еще одно издание книги от 14 IV 1633 г. (тираж 1175 экз.) и что до Букваря 1634 г. существовали еще два издания того же года (см.: Новые материалы для описания изданий Московского Печатного двора. Первая половина XVII в.: В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов / Сост. И. В. Поздеева. М., 1986. С. 34, № 61; С. 16, № 67, 68). Неучтенное ранее издание Часовника (от 14 IV 1633 г.) можно отождествить, по-видимому, с экземпляром ГБЛ, инв. № 8954.

Несомненно, что Б. хорошо знал издания Ивана Федорова и частично воспроизвел их репертуар; кроме упомянутых Псалтири и Часовника он напечатал буквари, Апостол и Евангелие учительное. Возможно, на издание Святцев его натолкнула напечатанная Иваном Федоровым «Хронология» Андрея Рымши. Издания Б. снабжены послесловиями, в которых указано имя издателя: «. . . труды и тщанием многогрешнаго Василия Федорова сына Бурцова и прочих сработников» (Букварь 1634 г.). Эта черта, столь характерная для первых русских печатников (Иван Федоров, *Петр Мстиславец, Андроник Невежа* и др.), не привилась в московском печатном деле. В XVII в. она наблюдается кроме бурцовских в изданиях О. М. Радиевского (1606—1610) и в книгах *Симеона Полоцкого*, выпущенных Верхней типографией (1679—1683). Имея тесные связи с украинско-белорусским книгопечатанием, Б. ориентировался на широко распространенную в нем практику подписания изданий.

Книги Б. характеризуются многими новаторскими чертами и в содержании, и в оформлении. Безусловной заслугой мастера является издание им первых в Московском государстве букварей. Букварь 1634 г. сразу приобрел большую популярность и служил основным пособием для обучения грамоте до конца 50-х гг. XVII в. В послесловии сказано, что он предназначался «малым детям в научение». Существует предположение, что издание было предпринято для обучения грамоте пятилетнего царевича *Алексея Михайловича* (см.: Хмырев М. Д. Царь Алексей Михайлович и его время. 1629—1676: Правоописательный очерк // Древняя и Новая Россия. СПб., 1875. Сб. № 9. С. 30; Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1915. Т. 1, ч. 2. С. 146). В содержании и структуре Букваря 1634 г. обнаруживается близость к львовской азбуке Ивана Федорова. В первой части содержится материал, необходимый для овладения грамотой: алфавит, двух- и трехбуквенные слоги (в соответствии с буквослагательным методом обучения), названия чисел, надстрочных

знаков («имена просодиям верхним»), знаков препинания, сведения («от книги осмочастныя, сиречь грамматики») о склонении имен существительных и прилагательных, о спряжении глагола. Во второй части пособия — подборка текстов для чтения: молитвы, притчи царя Соломона, этические рекомендации («образ есть отцем, хотящим благочестно воспитовати чада»). В отличие от львовской азбуки Ивана Федорова в Букварь Б. включены также трактат Черпорицца Храбра «Сказание, како состави святыи Кирил философ азбуку по языку словеньску» и Житие Кирилла. В 1637 г. Б. выпустил дополненное новыми статьями издание «Букварь языка славенска, сиречь начало учения детем, хотящим учиться чтению божественных писаний с молитвами и со изложением кратких вопросов о вере». По сравнению с другими бурцовскими изданиями Букварь 1637 г. имеет не только послесловие, но и «предисловие вкратце первоучебней сей малей книжице азбуце». В нем высоко оцениваются достоинства «словенского» (русского) языка, который уравнивается в правах с древнейшими и «священными» языками (еврейским, греческим, латинским). Здесь же описывается распространенный в то время процесс обучения детей грамоте: «. . . русстий сынове младыя дети первые починают учиться по сей составней словеньстей азбуце по ряду словам и потом, узнав письмена и слоги и изучив сию малую книжицу азбуку, начинают учить Часовник и Псалтырю и прочая книги». За прозаическим предисловием следует написанное риторическими двоестрочиями (говорным стихом) поучение «младым отрочатам» («Сия зримая малая книжица, 17 двоестрочий»). В нем говорится о значении грамоты и пользе учения. Это первое стихотворное сочинение русского автора, появившееся в печати. Существует мнение, что автором этих вирш был сам Б. (см., например: К и с е л е в Н. П. О московском книгопечатании. . . С. 159). После наставления ученикам в качестве фронтисписа помещена гравюра, на ней изображена сценка из школьной жизни: учитель сечет розгами ученика. Букварь 1637 г. неоднократно перепечатывался в XVII—XIX вв., в том числе — старообрядцами в московской единоверческой типографии в 1885 г. Он являлся авторитетным учебным пособием и служил образцом для составителей других букварей XVII в.

Впервые в истории восточнославянского книгопечатания Б. издал Святыцы (1639). Это было первое московское миниатюрное издание (в шестнадцатую долю листа). Такого рода издания были характерны для Украины и Белоруссии данного периода.

Издания Б. образуют особую группу среди русских старопечатных книг. По наблюдениям А. С. Зерновой и А. А. Сидорова, в них сочетаются традиции московского, белорусского и украинского книгопечатания. В московском стиле выдержаны многие заставки, инициалы. Одна из заставок подражает заставке 1610 г. *Ивана Невежи*. Вместе с тем Б. первый вводит в московскую печатную книгу наборный орнамент, столь привычный в украинской и белорусской книге. Начиная с 1634 г. в изданиях Б. появляются такие элементы в оформлении, которые свидетельствуют о связи с типографией белорусского печатника Спиридона Соболя. Группа заставок, инициалы, наборные украшения, встречающиеся в книгах московского мастера, восходят к Молитвослову, напечатанному в Кутейнской типографии Соболя в 1631 г. Шрифт трех малоформатных книжиц Б. (Святыцы 1639 г., Канонник 1641 г., Требник 1642 г.) точно совпадает с мелким шрифтом, которым Соболев печатал на Украине и в Белоруссии. Б. скопировал также два алфавита инициалов, использованных Иваном Федоровым в острожской Библии; инициалы острожского типа имеются в Псалтыри 1634 и 1636 гг., Псалтыри с воследованием 1638 г. Новшеством для русских старопечатных книг явилось применение мастером с 1637 г. концовок, самая изящная из них напоминает киевские украшения. В одном из своих последних изданий (Каноннике 1641 г.) Б. ввел титульный лист по примеру украинских и белорусских книг, где титульные листы употре-

блялись уже в XVI в. Однако в московских изданиях титульный лист регулярным явлением стал позднее, начиная с Евангелия 1657 г.

Книги Б. имеют ряд типографских особенностей, введенных в практику Печатного двора с 1623 г. Под наборной полосой (издания в восьмерку), на корешковом сгибе (издания в лист), на верхнем поле (издания в четверку или в восьмерку) проставлены сокращенные обозначения имен — «тередорщичьи имена», т. е. имена печатников. Например, Часослов 1637 г. печатали Петр и Козьма, Букварь 1634 г. — Ждан, Осип, Григорий (?) или Петр (?). Б. продолжил также практику подписания изданий мастеровыми людьми (наборщиками, тередорщиками, батырщиками, разборщиками), удостоверявшими правильность текста и полноту экземпляра. Об этом говорят записи: «Смотрел Матюшка», «Деменко Яковлев», «Олексеев», «Гаврилка Георгий». Книги Б. печатались в две краски, в два проката: сначала киноварью, затем черной краской.

В изданиях Б. имеются индивидуальные особенности, отличающие их от продукции Печатного двора. Так, опечатки в тиражах бурцовских книг не забеливались, как было принято на Печатном дворе, а исправлялись, как это характерно для Украины, от руки чернилами при помощи наклеек, выскабливания букв, слогов. Отдельные листы заменялись «картоном» («четвертка»). Так, в Букваре 1634 г. имеется картоп (четвертка) — л. 29, 32, 87, 88. На некоторых экземплярах изданий Евангелия учительного 1639 г. (ГБЛ, инв. № 1633, 1664, 8697) и Псалтири 1640 г. (ГБЛ, инв. № 3910, 9066) встречается отпечатанный киноварью или чаще черной краской знак (на первом или последнем листе, на верхнем или нижнем поле), напоминающий по рисунку цифры 7148, которые могут быть прочитаны как дата: от сотворения мира 7148 (1640). В таком случае Б. впервые в истории печатной книги кирилловского шрифта ввел обозначение года арабскими цифрами. В типографии Б. использовался шрифт, не характерный для московских изданий предшествующего и последующего времени; он отличался от шрифтов, употреблявшихся на Печатном дворе и по рисунку, и по размеру (62 мм и 87 мм, на Печатном дворе — 90 мм). В «штанбе» Б. был свой словолитец Любимко Лазарев. Обычный завод изданий — 1200 экз. Но, вероятно, буквари, часовники, Канонник, Святцы печатались тиражом 2400 экз., как это характерно для данных изданий, выпущенных Печатным двором в первой половине XVII в. Издания Б. не являются редкостью.

Печатник не имел продолжателей и подражателей, лишь с 50-х гг. в обиходе Печатного двора получает широкое применение введенная им манера наборных украшений.

Соч. (типографские работы): Псалтирь, М., 1633, 1634, 1636, 1640; Часовник. М., 1633 (два издания), 1637; Букварь (Азбука). М., 1634 (три издания), 1637; Мисья служебная, сентябрь. М., 1636; Служебник. М., 1637; Псалтирь с исследованием. М., 1638; Апостол. М., 1638; Евангелие учительное. М., 1639; Святцы. М., 1639; Шестоднев. М., 1640; Канонник. М., 1641; Требник. М., 1642.

Лит.: Сын Отечества. СПб., 1821. Ч. 74, № 52. С. 270; Е в г е и й. Словарь. Т. 1. С. 67—68; Ф и л а р е т. Обзор. С. 224; Энциклопедический словарь. Т. 5. Буны—Вальтер / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1891. С. 54; РБС: «Бетанкур—Бякстер». СПб., 1908. С. 504; П о к р о в с к и й А. А. Печатный Московский двор в первой половине XVII в. М., 1913. С. 58—59; С и д о р о в А. А. 1) История оформления русской книги. М.: JL., 1946. С. 96—104; 2) Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 186—194; 3) Е р н о в а А. С. 1) Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952. С. 23—25; 2) Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. М., 1958. № 101—117. С. 42—46; К и с е л е в Н. П. О московском книгопечатании XVII века // Книга: Исслед. и материалы. М., 1960. Сб. 2. С. 135—136, 158—159; От азбуки Ивана Федорова до современного букваря. М., 1974. С. 21—25; Н е м и р о в с к и й Е. Л. Азбучного дела подъячий: (О Василии Бурцеве-Протопопове) // Рус. речь. 1984. № 4; Идентификация экземпляров московских изданий кирилловского шрифта 2-й половины XVI—XVIII вв.: Метод. Рекомендации / Сост. А. А. Гусева. М., 1990.

Л. И. Сазонова, А. А. Гусева

Варлаам Ясинский (1627—22 VIII 1707) — митрополит Киевский, автор посланий, поучений, силлабических стихов, предисловия к Четвым Минеям *Димитрия Ростовского* и др. Место рождения В. Я. неизвестно. Первоначальное образование он получил в Киевской Братской коллегии, очевидно, при ректорстве Лазаря Барановича, с которым впоследствии у В. Я. прослеживаются самые близкие отношения. Летом 1651 г. коллегия опустела из-за нападения на Киев войска литовского гетмана Яна Радзивилла, занятия в ней временно прекратились; следовательно, учиться здесь В. Я. мог только до 1651 г. Свое образование он продолжал в западных школах. Н. И. Петров высказал предположение о том, что курс риторики В. Я. слушал в Ельбинге, а философии — в Ольмюце (около 1657 г.). Затем он учился в Краковской Академии. В Киев В. Я. возвратился между 1660 и 1665 гг. Судя по письмам к нему Лазаря Барановича, он в этот период имел непосредственное отношение к деятельности Киево-Печерской типографии, возможно, заведовал ею (см.: Письма Лазаря Барановича. С. 18—24). 13 ноября 1665 г. В. Я. был уже избран игуменом Киево-Братского монастыря и ректором Киевской коллегии. (Поздравительное послание Лазаря Барановича по случаю ректорства В. Я. датируется 6 января 1666 г. Это объясняется скорее всего тем, что посвящение в игумены и благословение на ректуру совершалось позже избрания). Сделавшись киево-братским игуменом и ректором, В. Я. принял за восстановление коллегии, пострадавшей во время страшного разорения Киева войсками Петра Дорошенко в начале 1665 г. (предшественник В. Я. Иоанникий Голытовский вынужден был оставить опустевшую коллегия). Вследствие неопределенного в это время положения Киева между Россией и Польшей В. Я. старался утвердить положение коллегии, обращая то к московскому, то к польскому правительству за поддержкой. Он отправлял воспитанников коллегии в западноевропейские высшие школы для завершения образования, создавая таким образом будущую профессуру коллегии. В 1673 г. В. Я. отказался от должности игумена и ректора — после того как при опустошительном набеге поляков на монастырское имение Новоселки были убиты трое иноков Киево-Братского монастыря. Братия монастыря каким-то образом ставила их смерть в вину В. Я. После добровольного оставления игуменства и ректорства В. Я. определен в официальную должность проповедника в Киево-Печерскую лавру при архимандрите Иннокентии Гизеле. В марте 1680 г. он вместе с иеромонахом Паисием выполнял миссию лаврского посланника в Москву с просьбами о милостях Киево-Печерскому монастырю. Среди прочих просьб Иннокентия Гизеля к московскому патриарху *Иоакиму* была и просьба о присылке *Великих Миней Четвых* для подготовки задуманного Иннокентием киевского издания Житий святых. В. Я. получил скорописные Четвы Миней с Московского Печатного двора и привез их в Киев. В 1680 г. В. Я. был возведен в игумены Пустынно-Николаевского монастыря в Киеве. В 1683 г., после смерти Иннокентия Гизеля, его избрали архимандритом Киево-Печерской лавры. Патриарх Иоаким выразил желание лично рукоположить вновь избранного архимандрита, но В. Я. не пожелал ехать в Москву (в это время как раз происходили оживленные переговоры между Россией и Польшей, и не было еще вполне ясно, к кому отойдет Киев). В. Я. принял рукоположение на архимандрию от своего учителя и покровителя архиепископа Черниговского Лазаря Барановича. Когда в 1684 г. стало определяться, что Киев останется за Москвой, В. Я. пришлось приложить немалые усилия, дабы вернуть себе расположение патриарха Иоакима и получить от него благословенную грамоту на архимандрию. В оппозицию к Москве В. Я. встал и в момент избрания в киевские митрополиты Гедерона Четвертинского, так как избрание это было связано с подчинением киевской митрополии московскому патриарху. В. Я. был во главе не сочувствовавших этому делу представителей высшего киевского духовенства. Правда, когда в мае 1686 г. окончательно решился вопрос о Киеве в пользу

России, он стал искать примирения с Москвой. Ходатаем за В. Я. в примирении был гетман Иван Мазепа. В. Я. пришлось снарядить посольство от лавры в Москву, с которым он отправил письма на имя царей Петра и Иоанна, царевны *Софьи Алексеевны* и князя В. В. Голицына, наполненные выражением полной преданности и льстивыми словами. Вместе с письмами каждому из адресатов было послано по экземпляру сочинения В. Я., только что напечатанного в типографии Киево-Печерской лавры, «Три венца молитвенные». Вслед первому в Москву отбыло второе посольство. Оба посольства были приняты в Москве благосклонно благодаря покровительству В. В. Голицына. В 1690 г. после смерти Гедеона Четвертинского В. Я. был избран в митрополиты киевские (31 августа), новый патриарх *Адриан* совершил его посвящение в Москве. Будучи митрополитом, В. Я. продолжал осуществлять свою просветительскую деятельность. На епархиальном киевском соборе 1691 г. были оглашены от его имени «Заповеди духовенству, по которым всякому протопопу киевской митрополии предписывалось иметь у себя книгу Иоанникая Голятовского «Мир с богом человеку», а также регулярно проводить испытания рядового духовенства в знании этой книги. «Заповеди» возлагали на протопопов обязанности следить за тем, чтобы священники отдавали своих детей на обучение в Киевскую коллегию. Митрополит В. Я. был ревностным покровителем коллегии. Он заботился о прискании для нее учителей, ходатайствовал перед московским правительством о даровании коллегии материальных средств и различных прав, по его хлопотам в 1701 г. она наконец получила от Петра I права академии. В этом деле ходатаем перед царем был его ученик и постриженник, бывший преподаватель Киевской коллегии Стефан Яворский, в то время вновь поставленный митрополит рязанский (о роли В. Я. в духовной и писательской карьере Стефана писал Феофилакт Лопатцкий в биографическом «Сказании о писателе книги сея», предваряющем «Камень веры» Стефана Яворского). Последние годы жизни В. Я. одолевала старческая немощь. Из-за нее он уже в 1695 г. просил Петра I об учреждении себе помощника, коадьютора киевской митрополии, каковым в конце концов и был назначен в 1701 г. Захарий Корнилович, игумен переяславский. В последние годы В. Я. был так слаб, что его приходилось носить в церковь. Побывавший в Киеве в 1701 г. старообрядческий паломник ко святым местам калужанин старец Леонтий (*Иоанн Лукьянов*) написал о В. Я., увидев его во время соборной службы: «Старехонек, миленькой, а охоч до органистова пения» (см.: РА. 1863. Вып. 1. Стб. 50). Похоронен В. Я. в Великом (Богородичном) храме Киево-Печерской лавры. Стефан Яворский, преданный его ученик, написал при жизни В. Я. три панегирика в его честь на латинском и польском языках (см.: 1) *Hercules post Atlantem infracto virtutum robore honorarium pendus sustinens*. Чернигов, (1684); 2) *Arctos et antarctos caeli rossiaci*. (Киев: тип. Лавры), 1690 (в издании имеется изображение герба Ясинских); 3) *Pelnia księzusa w Klegnocie swięcącego z trzech luminarzow Barlaamow...* (Киев: тип. Лавры), 1691 — латинские и польские вирши в честь В. Я. См. также: З а п а с к о Я., И с а е в и ч Я. Пам'ятки книжового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Книга перша (1574—1700). Львов, 1981. С. 99, № 620; С. 103, № 663; С. 105, № 671). Он же сочинил эпитафию В., предназначавшуюся, возможно, для надгробного памятника (ее атрибуцию и издание см.: Е р е м и н И. П. К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 14. С. 506—510).

Писательскую деятельность В. Я. начал после возвращения из Западной Европы в Киев. Лазарь Баранович в одном из ранних своих писем к В. Я., которое может быть датировано временем около 1686 г. или несколько раньше, упоминает о присланных ему неких «тетрадках», называя их «первыми опытами» В. Я. «Первые опыты» вызвали одобрение Лазаря и побудили его разразиться торжественной тирадой в пользу писательского труда («Спеш, любезный, и управляйся с этим делом божим, потому что

слово божие действенно, и десница господня за каждую черную букву готовит для тебя светлые звезды» — Письма Лазаря Барановича. С. 18—19 — опубликовано в русском переводе с польского). Может быть, называя некоторое время спустя В. Я. «плодоносною ветвью своего винограда» (Там же. С. 37), Лазарь Баранович имел в виду именно этот период творческого общения с ним, а возможно, и более ранние контакты в стенах Киево-Братской школы.

Н. И. Петров предположительно атрибутировал В. Я. проповеднические произведения, сохранившиеся в рукописном сборнике южнорусского письма (см. статью Н. И. Петрова). Опыты В. Я. в силлабическом стихотворстве впервые были опубликованы в 1669 г. в виде предисловия под названием «На автора сей книги» к «Мессии правдивому» Иоанникія Голятовского. В 1675 г. им была написана стихотворная эпитафия киевскому митрополиту Иосифу Нелюбович-Тукальскому. В ответ на царский подарок — присланную ему книгу Симеона Полоцкого «Обед душевный» — В. Я. в 1681 г. отослал царю Феодору Алексеевичу благодарственное письмо, завершающееся короткими приветственными виршами. В 1688 г. В. Я. была издана книга «Три венца молитвенные», предназначенная для подношения царям Иоанну и Петру и царевне Софье. В ней гравированные изображения святых патронов русских царей и царицы сопровождалось каждое тринадцатью силлабическими четверостишиями. Как уже говорилось, это издание было переслано автором в Москву. В. Н. Перетц вслед за П. П. Пекарским (см.: П е к а р с к и й П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 58) предположительно атрибутировал В. Я. сборник вирш «Венец молитв седмичных двенадцат звездный. . .», дважды изданный киевской типографией — в 1694 и 1702 гг. Кроме того, В. Н. Перетц считал принадлежащими В. Я. рукописные вирши «О полуоцинице и утрени». Издатели сочинений Ивана Величковского атрибутируют этот стих Ивану Величковскому, так же как и ряд вирш из вышеназванного «Венца молитв седмичных». К полемическим произведениям В. относится сохранившееся в рукописном виде «Prawdiwa wiaga» (см.: П е т р о в Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. М., 1899. Вып. 2, № 477. С. 157—158; 1904. Вып. 3, № 480—484. С. 205—206). Автор анонимной статьи «Из прошлого киевской епархии. . .» в «Киевских епархиальных ведомостях» указал на найденное в архиве Киевской духовной консистории письмо современника В. Я. иеромонаха Феофана Гирского, из которого видно, что автором «Prawdiwa wiaga» был В. Я., написавший этот труд в 1676 г. Сочинение представляет собой разбор католического учения об исхождении святого духа от отца и сына и о главенстве римских пап. Н. И. Петров высказал догадку о том, что В. Я. могут быть приписаны четыре статьи на польском языке из сборника Киево-Софийского собора, № 488 л. 73—76 (см.: П е т р о в Н. И. Описание рукописных собраний. . . Вып. 3. С. 207). Автор статьи «Из прошлого Киевской епархии. . .» указывал на книгу летописных записей, которую вел В. Я. (она содержала в себе печатные календарные таблицы годов, начиная от рождения Христова, под некоторыми годами В. Я. собственноручно отмечал различные события); нынешнее местонахождение ее неизвестно. В. Я. приписывалось «Изображение дел Московского патриаршего собора» (см.: Ф и л а р е т. Обзор. С. 294—295; Б у д о в н и ц. Словарь. С. 34), в действительности ему не принадлежащее. Он был непосредственным организатором и покровителем издания Четких Миней Дмитрия Ростовского. Первая книга (1689) вышла с обширным его предисловием.

Кроме того, сохранилась большая переписка В. Я. — его письма, послания, челобитные, грамоты. См.: Памятники, издаваемые Комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1846. Т. 2. С. 325 (послание к Стефану Яворскому 1701 г. с ходатайством за Академию); Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке / Сост. Самоил Величко, бывший канцеля-

рист войска Запорожского, 1720. Киев, 1855. Т. 3. С. 227—233, 285—286, 348—352 (послания царям Иоанну и Петру, патриарху Адриану, гетману Мазепе, Прокопию Колячинскому); Киевский собор 1691 г. // Киевские епархиальные ведомости. 1865. № 8, отд. 2. С. 313—329 («Заповеди» собора); М и л о р а д о в и ч Г. А. Любеч, Черниговской губернии, Городницкого уезда — родина преподобного Антония Печерского // ЧОИДР. 1871. Кн. 2, отд. 1. С. 44—46 (грамоты жителям Любеча в связи с обновлением Любечкой иконы Божией матери); Архив Юго-Западной России. Киев, 1871. Ч. 1, т. 4. С. 82—84 (письмо к Самуилу Шумлянскому); 1873. Ч. 1, т. 5. С. 214—216, 217—226, 276—290, 302—309, 317—319, 338—342, 367—391, 411—417) (письма патриархам Иоакиму и Адриану); Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1872. Т. 7. С. 68—83; 1877. Т. 9. С. 256—258 (документы и письмо к А. Л. Ордину-Нащокину); Памятники, издаваемые Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1898. Т. 1. С. 466—468 (воззвание о пожертвованиях в пользу Киево-Братского училища и монастыря, 1671 г.); Письмо митрополита киевского Варлаама Ясинского к Петру I о переяславском епископстве // Киевская старина. 1904. Т. 85. Май. С. 53—55; Иван Величковский: Твори. Київ, 1972. С. 154—155 (письмо к Лазарю Барановичу по поводу гибели трех монахов в Новоселках).

Соч.: Г о л я т о в с к и й И. Мессия правдивый. Киев: тип. Лавры, 1669. л. 9 об. (стихи «На автора книги сей»); 2-е изд. 1672; Три венца молитвенныи. Киев: тип. Лавры, 1688; Дмитрий Ростовский. Книга житий святых. Киев: тип. Лавры, 1689. Л. 2—4 нн. (Предисловие к читателю); Венец молитв седмичных двенадесат звездный. . . Киев: тип. Лавры, 1694; 2-е изд. 1702; Рукописная заметка о киевском митрополите Иосифе Нелюбович-Тукальском (из архива Киево-Выдубицкого монастыря) // Киевские епархиальные ведомости. 1878. № 13, отд. второй. С. 396—398 (стихотворная эпитафия); О. Л. Письмо и стихи Варлаама Ясинского // Киевская старина. 1890. Т. 28. Март. С. 537—539 (письмо и стихи царю Федору Алексеевичу); С о б о л е в с к и й А. Неизданное произведение Варлаама Ясинского // ЧИОНЛ. Киев, 1900. Кн. 14. Вып. 1, отд. 3. С. 26—28 (коммент. В. Я. к знамени, явившемуся в Венгрии в 1671 г.); П е р е т ц В. Н. 1) Новые труды по источниковедению древнерусской литературы: Критико-библиографический обзор. I—VIII. Киев, 1905. С. 31 (вирши «О полунощнице и утреню»); 2) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург. 23 февраля—3 марта 1913 г. Киев, 1913. С. 29—31 (несколько вирш из предположительно приписываемого В. «Венца молитв седмичных»); 3) Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков // СОРЯС. Л., 1929. Т. 1, вып. 3. С. 91—92 (вирши «О полунощнице»); Т и т о в Ф. Материалы для истории книжной справи на Україні в XVI—XVIII вв.: Всезбирка предмов до українських стародруків. Київ, 1924. С. 445—450 (предмова к Четьим Минеям Дмитрия Ростовского)

Лит.: А с к о ч е н с к и й В. Киев с древнейшим его училищем, академиею. Киев, 1856. Ч. 1. С. 211—228, 245—262, 289—290; Ч. 2. С. 6, 495—496; Р о д о с к и й С. Стефан Яворский, митрополит рязанский и муромский, эрзарх и местоблюститель Всероссийского патриаршего престола // Странник. 1863. Ноябрь. С. 33; Г о в о р с к и й К. Алфавитный список некоторых дворянских фамилий, ныне существующих в западных губерниях России. . . // Вестник Западной России: Историко-литературный журнал, издаваемый К. Говорским. Год третий. 1864. Октябрь. Т. 1. С. 201; Письма Лазаря Барановича. Чернигов, 1865. С. 18—24, 28—29, 37, 54—55, 73—74, 92—94, 108—109, 117—118, 181—182, 189—190, 224—225, 248; Труды КДА. 1879. Кн. 11. Протоколы. С. 245—249; Р о д о с с к и й А. Две надписи на старопечатных книгах XVII столетия // Христ. чт., 1880. Март—апрель. С. 491—494; В о с т о к о в А. Акт избрания Варлаама Ясинского архимандритом Киево-Печерского монастыря // Киевская старина. 1887. Июнь и июль. С. 573—576; Ш л я п к и н И. А. Св. Дмитрий Ростовский в его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 36—46, 123—128, 182—256, 355; Приложения. С. 12—14; П е т р о в Н. И. 1) Новооткрытый киевский проповедник второй половины XVII в. // Труды КДА. 1892. № 5. С. 93—123; 2) Киевская Академия во второй половине XVII века. Киев, 1895. С. 24—37; Труды КДА. 1894. № 1. Протоколы. С. 257—259; П р о з о р о в с к и й А. Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность): Опыт церковно-исторического исследования // ЧОИДР. 1896. Кн. 3, отд. 3. С. 303—312; М а л е в а н с к и й Ф. Киевский митрополит Варлаам Ясинский. 1690—1707 // Киевские епархиальные ведомости. 1897. № 18. С. 818—829; Г о л у б е в С. Т. Киевская Академия в конце XVII и начале XVIII столетия // Труды КДА. 1901. № 11. С. 306—407; Труды КДА. 1904. № 11. Приложения. С. 387—390; Из прошлого Киевской епархии: Варлаам Ясинский, митрополит киевский и галицкий и Малая Россия (1690—1707) // Киевские епархиальные ведомости. 1905. № 12—50. Часть неофиц. С. 286—289, 309—317, 335—339, 360—369, 400—411, 455—461, 481—486, 508—515, 535—

540, 558—565, 581—585, 606—611, 629—636, 653—657, 678—684, 702—708, 729—735, 771—781, 804—811, 834—839, 859—864, 882—886, 1229—1234, 1268—1273; Х а р л а м о в и ч К. В. Малороссийское влияние на великороссийскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 447; Т и т о в Ф. Типография Киево-Печерской лавры: Исторический очерк (1606—1616—1916). Киев, 1916. Т. 1. С. 312, 371—385, 396, 400—401; Українські письменники. С. 611—616. Иван Величковский: Творч / Вступ. ст. С. И. Маслова, В. П. Колосовой и В. И. Кречотня; Подгот. текста и коммент. В. П. Колосовой и В. И. Кречотня. Київ, 1971. С. 17—27, 58—59, 67—70, 93—104, 176—177; П а н ч е н к о А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 157—158.

Н. В. Понырко

Василий Гагара (первая половина XVII в.) — торговый человек, автор *Хождения*. Волжанин В. Г. был, по его словам, «родом плесянин (т. е. из Плеса. — О. Б.), житием казанец». В 1634—1637 гг. он совершил паломничество из Казани в Иерусалим, Египет, Синай через Грузию и составил описание своего хождения, получившее дополнительную литературную обработку. Рассказ об этом путешествии содержит его личные впечатления волжанина, показывает его осведомленность в книжных легендах, отражает зависимость от услышанных им устных рассказов. Примечательно описание Тифлиса и Мцхета, египетских пирамид и египетского инкубатора, крокодила в Ниле и др. В *Хождении* В. Г. необычна биографичность рассказа: в нем причудливо сочетаются описания виденных «чудес», торговых сделок и природных богатств в чужих краях. Наблюдательный паломник заметил новое в отношениях к Турции со стороны Крыма, Валахии. Изложение отличается простотой и безыскусственностью деловой московской речи XVII в. Рукописная традиция *Хождения* В. Г., представленного двумя редакциями, насчитывает около 20 списков XVII—XVIII вв. В прибавлениях к *Хронографу Русскому* встречается краткий отрывок из первой редакции «О казанце о Василии» с описанием только Грузии и Араратских гор. Литературная история *Хождения* В. Г., исследованного по 10 спискам, нуждается в более полном изучении.

Соч.: Путешествие Василия Гагары в 1634 году // Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. СПб., 1849. Т. 2, кн. 6. С. 109—122; Иерусалимское хождение // ВОИДР. М., 1851. Кн. 10, разд. III. Смесь. С. 14—23; Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634—1637 гг. / Под ред. С. О. Долгова // ППС. СПб., 1891. Т. 11, вып. 3; О казанце о Василии // П о л о в А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 252—256.

Лит.: А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. 1) Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары // Сборник Российской Публичной библиотеки. Игр., 1924. Т. 2, вып. 1: Материалы и исследования. С. 230—247; 2) Путешествия первой половины XVII в. // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2: Литература 1590—1690-х годов. С. 123—126; П о л и е в к т о в М., Н а т а д з е Г. Старый Тифлис в извещениях современников. Тифлис, 1929. С. XII—XIII, 11—13; Ш е п е л е в а Л. С. Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках // ТОДРЛ. М.: Л., 1953. Т. 9. С. 297—322; Р у х а д з е Т. С. Из истории грузино-русских литературных связей (XVI—XVIII вв.): Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Тбилиси, 1962. С. 16; Д а н и л о в В. В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 21—37; Ц и н ц а д з е Я. З. Сведения Василия Гагары и Арсения Суханова о Грузии XVII в. Тбилиси, 1965. На груз. яз.; М о р о з о в А. А. Заметки о «хождении» Василия Гагары // Československa rusistika. 1969. Т. 14. № 4. С. 145—150; С е м а н н К.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur: Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976. С. 318—334, 437—438, 456; Б е л о б р о в а О. А. О ленинградских списках древнерусских хождений в Грузию // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 168—170.

О. А. Белоброва

Василий Титов (ок. 1650—ок. 1715) — крупнейший композитор эпохи барокко, писавший также силлабические стихи. Музыковеды атрибутируют ему и музыку, и текст одного из ранних русских кантов «Все языци руками плещите, Все Иаковлю блгу воскликните. . .», введенного в научный обиход А. В. Позднеевым. Этот кант, встречающийся в рукописных

сборниках с последней четверти XVII в. (шифры см. в статье А. В. Позднеева — ТОДРЛ. Т. 17), имеет акrostих «по виршам», т. е. по первым буквам каждого двустишия — «Василии». Кант насчитывает 8 двустиший (слоговая длина строк 10+11), одно из них выполняет функции рефрена (в декламации) и припева (в вокальном исполнении). По содержанию кант состоит из двух почти равных частей. Первая представляет собой переложение начала 46-го псалма, вторая — «приветствие» царю *Феодору Алексеевичу* (значит, кант сочинен между 1676 и 1682 гг.). Отождествление названного в акrostихе Василия с В. Т., конечно, гипотетично, но вполне корректно.

Во-первых, В. Т. действительно писал стихи: в подносном царевне *Софье Алексеевне* экземпляре «Псалтыри рифмотворной» *Симеона Полоцкого*, положенной на музыку В. Т. (БАН, Петровское собр., 16.15.11), есть стихотворное предисловие «Пресветлой дщери пресветлаго царя, Многих царств и княжеств и земель государя. . .». В то время при дворе не было поэта, который бы мог сочинить такие «плохие» стихи, ибо версификационная культура была очень высокой, даже изощренной. Предисловие выдает руку дилетанта, а профессиональный композитор В. Т. и был в поэзии дилетантом. Дилетантизмом отмечен и текст канта с акrostихом «Василии». Это текст также низкого словесного качества — низкого в сравнении с творениями *Германа* и других авторов Новоиерусалимской школы. Особенно сказывается это в непрофессиональной технике окончаний; в коротком канте наряду с достаточными, обычными тогда созвучиями употреблены также бедные рифмы и рифмоиды: превышний—страшнейший, Иаковли—возлюбви, велию—достоянию.

Во-вторых, то, что известно о жизни В. Т., не противоречит атрибуции. В документах он появляется впервые в 1678 г. в качестве государева певчего дьяка хора царя Федора Алексеевича. Возможно, что это назначение связано с сочинением канта «Все языци руками плещите, Все Иаковлю богу воскликните. . .». Как раз в это время царь Федор стал покровительствовать Новоиерусалимскому монастырю. К 8 июня 1678 г., на Федора Стратилата, когда праздновались именины государя, Герман создает кант «Федор славный воевода». Быть может, к этой дате приурочен и кант с акrostихом «Василии».

В том же качестве с 1682 г., когда было установлено «двоецарствие», В. Т. служит в хоре царя Ивана Алексеевича. Свержение правительства царевны Софьи Алексеевны не прошло бесследно для В. Т. На некоторое время имя его исчезает из списка государевых певчих дьяков и снова появляется среди них (это опять-таки хор царя Ивана) только в 1693—1694 гг. Возможно, В. Т. трудные для него годы прожил вне Москвы, в одном из провинциальных монастырей.

К этому времени В. Т. пользуется заслуженной славой первенствующего русского композитора. Он пишет множество концертов, например «Златокванную трубу восхвалим днесь. . .» (Иоанну Златоусту), «Всем скорбящим радости. . .» (Богородице), на Полтавское торжество. Его музыкальная деятельность, в первую очередь музыка к силлабическим текстам «Псалтыри рифмотворной» Симеона Полоцкого, сыграла роль в подготовке реформы русского стиха, проведенной впоследствии В. К. Третьяковским и М. В. Ломоносовым: при вокальном исполнении псалмов происходило упорядочение акцентов с явной тенденцией к хорейзации стиха, особенно в размерах с четным числом слогов.

Соч.: Позднеев А. В. Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. М.: Л., 1961. Т. 17. С. 420—421.

Лит.: Р а з у м о в с к и й Д. В. Государевы певчие дьяки XVII века // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873; П о з д н е е в А. В. 1) Рукописные песенники XVII—XVIII веков: (Из истории песенной силлабической поэзии) // Учен. зап. Моск. заоч. пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 18; 2) La poésie des chansons russes aux XVII-e et XVIII-e siècles //

Revue des études slaves. Paris, 1959. Т. 36, fasc. 1—4. Р. 30; 3) Просветительство и книжная поэзия конца XVII—начала XVIII века // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 109; П р о т о п о в В. В. Музыка на Полтавскую победу // Памятники русского музыкального искусства. М., 1973. Вып. 2; К е л д ы ш Ю. В. История русской музыки. М., 1983. Т. 1. С. 239; К о п ы л о в а В. С., П а н ч е н к о А. М. Роль музыки в тонизации русского стиха // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15.

А. М. Панченко, М. А. Салмина

Василий Тюменец (первая половина XVII в.) — казачий атаман, автор рассказа о путешествии в Монголию. Совместно с Иваном Петровым участвовал в 1616 г. в посольстве из Москвы в Монголию; со слов В. Т. и Ивана Петрова (оба были неграмотны) в Посольском приказе в Москве был записан по их возвращении рассказ о путешествии из Тобольска по Оби до Томска, из Томска по степям Киргизии и Монголии («Киргицкая», «Табынская», «Саянская», «Матцкая» и др. земли). В этом рассказе отмечены суровая природа («поля и горы каменные, а реки . . . бродовые»), кочевой образ жизни («переходят где кому место полюбитца; угодей никаких нет, и хлеб не родитца»), в том числе царские кочевья Алтын-хана, необычные жилища и храмы («поставили им избу особную полстяную», «мечеть зделана полстяная, а на верху ее крест, а по стенам . . . образы, писаны на харяхъ»). Наблюдательные посланники сообщили, как и где проходил их прием у Алтын-хана (сидевшего «ноги подогбав» на коврах и «войлоках ординьских»), с каким уважением отнесся монгольский хан к московскому царю, чем и как потчевал и одаривал своих гостей. В расспросных речах В. Т. и Ивана Петрова сохранились известия о Китайском государстве и о соседних землях — «про люди и про их веру, и про богомолство, и про язык, и хлеб у них родитца ли ини нет», о военном деле, о торговле и т. п.

Соч.: Ф и ш е р И. Э. Сибирская история. СПб., 1774. Кн. 1. С. 254—264; А н д р е в и ч В. К. История Сибири. СПб., 1889. Ч. 1. Приложение 1. С. 206—210; П о к р о в с к и й Ф. П. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Пеглина в 1618 г. // ИОРЯС. 1913. Кн. 4. С. 270—282; Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. С. 46—49.

Лит.: История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 118—119; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 82—84.

О. А. Белоброва

Венюков Никифор Данилович (вторая половина XVII в.) — подьячий Посольского приказа, автор статейных списков и составленного около 1685—1686 гг. «Описания новые земли Сибирского государства, в которое оно время и каким случаем досталось за Московское государство и какое той земле положение». Будучи подьячим с 1660-х гг., участвовал в ряде посольств: в 1672 г. — в Константинополь при поселе В. А. Даудове; в 1675—1678 гг. — в Китай через Сибирь при посланнике *Николае Спафарии*. В 1685—1687 гг. вместе с Иваном Федоровым В. был гонцом в Китай (в результате переговоров в декабре 1687 г. была снята осада с крепости Албазин). Сохранилось письмо В. и Фаворова от февраля 1687 г. в Посольский приказ к Ф. А. Головину с описанием поездки в Пекин. Опытный подьячий, В. участвовал в составлении статейных списков названных выше посольств. Возможно, это послужило подготовкой для «Описания новые земли Сибирского государства», сочинения анонимного, но давно приписываемого В. Это историко-географическое произведение открывается рассказом о покорении Сибири Ермаком. Повествование насыщено перечнем земель, народов, встреченных на пути людей, в том числе иезуитов. Текст «Описания» изучался преимущественно географами и этнографами, которых интересовали маршруты и обитатели Сибири и Китая. «Описание» привлекло внимание современников, как отечествен-

ных, так и иностранцев, оно переписывалось и переводилось на иностранные языки. Известны 6 близких по времени русских списков конца XVII—начала XVIII в., в том числе один с латинскими и немецкими приписками; кроме того, дошел один список на немецком языке. Текст «Описания» был известен Н. Витсену, опубликовавшему в 1692 г. в Амстердаме труд «Norden Oost-Tartarie».

«Описание» впервые полностью издано в немецком переводе XVII в. Бюшингом в 1785 г.; древнерусский текст опубликован дважды — в 1890 и 1907 гг.

Язык и стиль В. не изучены. Большая часть его трудов не опубликована (например, статейные списки посольства в Константинополь в 1672 г., в Китай в 1685—1687 гг. и др.).

Соч.: В и т с е н N. Magazin für die neue Historiae und Geographie. 1785. Т. 18. С. 83—100; Описание новой земли, сиречь Сибирского царства (по рукописи Румянцевского музея № ССХСIV, л. 1—19) // Т и т о в А. Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях / Изд. Г. Юдин. М., 1890. С. 55—101; Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 367—397.

Лит.: В и т с е н N. Norden Oost-Tartarie. Amsterdam, 1692; Б е л о к о у р о в С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 140; Б а х р у ш и н С. В. 1) Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928. С. 180—186; 2) Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 43—48; Л е б е д е в Д. М. География в России XVII века (допетровской эпохи). М.; Л., 1949. С. 200—203; А н д р е е в А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век. С. 57, 69—71, 76, 82, 92, 160, 204, 223; Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1. 1608—1683. С. 335—336, 346, 438; 1972. Т. 2. 1686—1691. С. 770; В е с е л о в с к и й С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 90; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 82—84. Белобородов С. А. Новые биографические материалы о Н. Д. Венюкове // Письменность и книгопечатание: (Информационные материалы). Тюмень, 1989. С. 28—30.

О. А. Белоброва

Верецагин Иван Васильев (вторая половина XVII в.) — книгописец, служивший в Посольском приказе в Москве в 1670-х гг. Известны переписанные им подносные экземпляры книг, создававшихся по инициативе боярина А. С. Матвеева: в 1672 г. «Книга об избрании на царство Михаила Федоровича» (Музей Московского Кремля, собр. Гос. Оружейной палаты), в 1672—1673 гг. «Книга о сивиллах» *Николая Спафария* (ГБЛ, собр. Румянцева, № 227); в 1673 г. его же «Василиологион» (ЦГАДА, Древлехранилище, отдел V, рубр. II, д. 44), в 1674 г. еще два списка того же сочинения (один из них: ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 33), в 1675 г. «Александрия» (БАН, собр. П I Б 99).

Лит.: Книга избрания и венчания на царство царя и великого князя Михаила Федоровича. М., 1856; ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. С. 188—200, № 43; Палеографические снимки с русских рукописей XII—XVII веков / Изд. СПб. Археолог. ин-том; Под ред. А. И. Соболевского. СПб., 1901. Табл. XLII; К у д р я в ц е в И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244.

О. А. Белоброва

Викентий (вторая половина XVII в.) — архимандрит Троице-Сергиева монастыря, агиограф и книгописец. Начал свою карьеру игуменом Николаевского Угрешского монастыря (1666—1672), затем был архимандритом Владимирского Рождественского монастыря (1672—1674), а 1 сентября 1674 г. переведен к Троице. На двадцатилетний период настоятельства В. приходится заметный рост политического авторитета Сергиевой обители, которая в критических ситуациях оказывалась надежным убежищем для представителей царствующей династии: в 1682 г., находясь за монастырскими стенами, правительство успешно справилось с «Хованщиной», а в 1689 г., во время борьбы с царевной *Софьей Алексеевной*, здесь укры-

вался юный Петр. При архимандрите В. разворачивается интенсивное строительство, монастырь обогащается такими, например, первоклассными произведениями искусства, как несохранившийся «Корноухий» колокол, отлитый мастером Федором Моториным в 1683 г. (см.: С п и р и н а Л. М. О колоколах Троице-Сергиева монастыря // Колокола. История и современность. М., 1985. С. 125—126), или дарохранительница, «построенная» в 1688 г. (см.: В з д о р н о в Г. И. К вопросу об архитектурных моделях в XVII веке (дарохранительница 1688 года) // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 191—195). Однако жизнь в многолюдной подмосковной киновии казалась В. слишком суетной; в послесловии к переписанной им *Повести о житии Александра Невского* архимандрит жалуется: «Се уже имам десятое лето во святом дому сем, во всяком изобилии и упокоении, без благих дел и душевного попечения». Когда представилась возможность — 22 апреля 1694 г., В. вернулся «на обещание свое» во Владимир.

В. принадлежит сокращенная переработка Жития Александра Невского в редакции *Ионы Думина*, составленная им в 1672 г. на месте упокоения мощей святого князя — в Рождественском монастыре. Об этом сообщает послесловие к Житию в редакции В., опубликованное П. М. Строевым по списку Владимирской семинарии, № 266, нынешнее местонахождение которого неизвестно. Здесь автор объясняет причины, побудившие его заняться правкой сочинения Ионы: по разумению архимандрита, прежние редакции произведения содержали элементы, которые «не суть приличны» в агиобиографии князя — «о иных великих князех, о их страдании от безбожных агарян и о их мужестве» и др. Поэтому В. исключил из своей версии эпизоды, имеющие слишком отдаленное отношение к прославленному Житием герою. Кроме этой сокращенной редакции В. принадлежит также служба Александру Невскому (см.: Н и к о л ь с к и й К. Обзорные богослужебных книг православной Российской церкви по отношению их к церковному уставу. СПб., 1858. С. 401). Ни то, ни другое произведения не изданы. Помимо названного списка Владимирской семинарии переделка Жития известна еще в нескольких рукописях (перечень их дан в кн. В. Мансикки), в том числе в собственноручной копии В. 1683 г. (ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 275); в списке XVIII в. (ГПБ, собр. ПДА, № 273) текст памятника наращен дополнительными чудесами.

В. разделял традиционный для братии Троице-Сергиевой лавры пиетет перед *Максимоном Греком*. Существовала переписанная им книга с сочинениями опального афонского старца, выписки из которой читаются в рукописи XVIII в. ГБЛ, ф. 722, собр. единичных поступлений рукописных книг древней традиции, № 250 (описание см.: Новые поступления // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1986. Вып. 45. С. 93 — «... и та книга келейная бывшего Маркела, митрополита Казанского, письменная в полдествъ, а писана в Троицком Сергиеве монастыре лета 7199 . . . Викентием архимандритом»).

Рукой В. скопирован также сборник, содержащий службы и *жития Серапиона Новгородского* и Стефана Махрищского (ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 637) и датирующийся 1677 г. Известны, кроме того, две рукописи с канонами Сергию Радонежскому, которые В. вложил в 1688—1689 гг. в Троицкий монастырь: БАН, 17.12.15 (Осн. 787); 17.12.16 (Осн. 788).

Лит.: Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания. М., 1870. Стб. 214; Стр о е в П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 140, 206, 663; 2) Словарь. С. 321—322; Г о р с к и й А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевы лавры. М., 1890. Ч. 1. С. 148—156; Ч. 2 (Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкой Сергиевы лавры архимандрита Леониды). С. 10; М а н

с и к к а В. Житие Александра Невского. СПб., 1913. С. 200—203. Приложения. С. 125 (ПДПИ. Т. 180); Бу л а н и н Д. М. Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 74—75.

Д. М. Буланин

Виниус Андрей Андреевич (1641—начало 1717) — сын перешедшего в православие и записанного в московские дворяне голландского купца и промышленника Андреаса (Андрея Денисовича) Виниуса, устройства первых железных заводов в России — на реке Большая Тулица под Тулой и на реке Ваге, притоке Сев. Двины, у Шенкурска. В 1664 г. младший В., «гостиной сотни торговый человек», взят в Посольский приказ переводчиком голландского языка, но уже в 1672—1674 гг. возглавляет русское посольство, направленное в Англию, Францию и Испанию с предложением союза против турок, напавших на польскую Украину.

По возвращении из посольства В. пожалован в московские дворяне, а в 1675 г. — в думные дьяки и поставлен во главе почтового дела, которым и ведал более четверти века при четырех правительствах. На этой должности В., начав введением формы для ямщиков и металлических сейфов для перевозки почты, установил учет и регулярную пересылку внутренней и внешней почтовой корреспонденции, упорядочил почтовые и весовые сборы, а впоследствии учредил и ряд новых почтовых линий: от Москвы до Архангельска (1693), от Москвы к Азову (1695—1696) и от Москвы до Воронежа (1700). В 1698 г. устанавливается Сибирская почта (до Тобольска).

Одновременно как дьяк Посольского приказа и знаток европейских языков В. был обязан просматривать поступающие иностранные — немецкие, голландские, а также французские, итальянские, польские и шведские — газеты и отбирать материалы для перевода и чтения царю и его ближайшему окружению и для «курантов». Это были по преимуществу сведения о внутреннем и внешнеполитическом положении европейских государств, о законодательных и дипломатических мероприятиях их правительств, о военных событиях и народных волнениях, о международной торговле, о событиях западноевропейской придворной и церковной жизни, а также сообщения о примечательных случаях естественно-научного характера.

В 1677 г. к прежним обязанностям В. прибавились новые. Он — дьяк Аптекарского приказа и добивается заметного улучшения аптекарского дела: следит, чтобы лекари и аптекари были обеспечены всем необходимым, вводит продажу населению лекарств из царской аптеки и набирает «в аптекарское научение» учеников из русских. Выполняет В. и ряд других кратковременных административно-хозяйственных и политических поручений, отмечается знаками особой милости царя *Феодора Алексеевича*. В частности, в 1689—1692 гг. В. возглавлял Новгородский приказ, а в 1693 г. направлен в инспекционную поездку по Украине для выяснения настроений населения.

В начале 90-х гг. В. замечен молодым Петром I и вскоре становится одним из видных его сотрудников. В 1695—1696 гг., во время Азовского похода, В. — сведущий и важный корреспондент царя: через него Петр I ведет военные заготовки дома и делает заказы за границей, получает сведения о столичных и зарубежных новостях, а также «куранты», через него передает повеления и поручения. Интенсивная переписка В. с царем продолжается и во время заграничного путешествия Петра I в 1696—1697 гг. по ряду стран Западной Европы, куда царь направился инкогнито в составе посольства Головина и Лефорга. В этот период В. — одно из довереннейших лиц царя, который пишет В. (часто симпатическими чернилами) о таких делах, какие не доверяет никому, а соблюдение инкогнито монарха придает переписке непринужденную простоту и фамильярность тона.

В 1694 г. В. вступает также в заведование Сибирским приказом и прежде всего стремится установить строгий надзор за сибирскими воеводами, оградить интересы казны от безудержных хищений. Составленные В. «таможенные статьи» определяют размеры пошлин, предписывая «лишних цен для большого пошлинного сбора таможенным головам отнюдь на товары и запасы не накладывать и тем торговых и всякаго чина людей не грабить, и не оскорблять и не отгонять», сурово пресекая поборы сибирских воевод с купцов и торговых каразанов. В то же время В. налагает запрет на скупку и вывоз бобровой пушнины за границу.

В 1696 г. по распоряжению В. тобольский житель «боярский сын» *Семен Ремезов* приступает к составлению «Чертежной книги Сибири», содержащей чертежи всех сибирских земель, рек, и дорог, планы городов, которая была закончена им в 1701 г. В. учреждает сибирскую почту, печется об устройстве дорог, развитии торговли, занимается церковными делами. Следует отметить его внимание к нуждам коренного населения Сибири, заботы, чтобы «иноземскаго роду не малилось», и в частности запрет продавать или отдавать детей в холопы. Наконец, на средства Сибирского приказа В. иногда давал образование одаренным молодым абортенам из нерусских. Особенно заботится В. о поисках в Сибири железных и серебряных руд и развитии промышленности. При нем открывается множество рудных приисков и основан ряд горных заводов на Урале: Невьянский пушечный завод — в 1699 г., Каменский чугуноплавильный завод — в 1700 г. и Алапаевский — в 1703 г.

С начала Северной войны со Швецией, после поражения русской армии в сражении под Нарвой в ноябре 1700 г. и потери всей артиллерии (180 орудий), В. фактически возглавляет Пушкарский (Артиллерийский) приказ и становится творцом новой русской артиллерии, отлив за два с половиной года более 600 орудий. В 1701 г. на Пушкарском дворе В. открыта навигаторская и артиллерийская школы. Это — время расцвета В., видного и влиятельного вельможи. Вместе с тем обремененный делами и поручениями 60-летний старик изнемогает от работы, но, пользуясь большими доходами, не отказывается ни от одной из должностей, что в конце концов приводит к служебным упущениям, неаккуратности и губительным промедлениям. Летом 1703 г. В. из-за должностных упущений отставлен от Аптекарского и Сибирского приказов, хотя все еще заведует литьем пушек. Еще прежде у него была взята большая часть «почт». А три года спустя, находясь в войсках при Гродно, В. внезапно, без разрешения царя, уехал в Кенигсберг и оттуда — в Голландию.

Возвратившись в 1708 г., он получил прощение царя, который вернул ему конфискованное имущество и чин думного дьяка и засадил за переводы трактатов по механике, фортификации, артиллерии, устава судебных воинских прав, составление голландского словаря. В 1710—1717 гг. В. выполняет также дипломатическое поручение, состоя для «советов о государственных делах» при гетмане Скоропадском.

Литературные и научные интересы сопутствовали В. в течение всей его долгой царевой службы. Он интересуется светской и церковной историей, вопросами нравственно-этическими и политическими, пишет сочинения по географии, составляет и чертит географические карты, выступает с проектом создания галерного флота, разрабатывает административные положения, занимается разнообразными переводами и компиляциями, пишет вирши. Библиофил и полиглот, он собрал огромную по тем временам личную библиотеку, включавшую несколько сот книг на голландском, немецком, латинском, французском, польском, эстонском и русском языках, и значительную коллекцию гравюр и рисунков, поступившую впоследствии в библиотеку Академии наук (см.: ЛО Архива АН СССР, ф. 158, оп. 1, № 212).

Первая из известных работ В. — компилятивное «Избрание от святых, божественных и царственных книг, памяти ради», содержавшее:

беседу отца с сыном о догматах веры, о страхе божьем, о власти монарха, которому «достоит три вещи в незабытной памяти имети: первое — яко человек владеет, второе же — яко власть сия, временна сущи, истлеывает; владети же не лютостию, но им же быша радостни вси, восхищаемы доброумием и милосердием», а также наставления о суетности и опасности земного величия, о благодати и премудрости. Далее следуют выписки из отцов церкви, беседа царьградского патриарха Геннадия с турецким султаном Морат-Магметом, сведения из церковной истории, сказание *Ивана Пересветова* о царе турецком Магмете, события из русской истории со времени взятия Казани.

К тому же времени относится пространная работа «О столицах нарочитых городов и славных государств, и земель, и островов, и проливов и знатных мест сухими и водными путями, колико имут расстояние Российского государства от . . . града Москвы, по алфавиту расписано переводчиком Andrieiem Andrieiewym synom Winiusom». Работа состоит из двух разделов: указания путей следования и расстояния от Москвы до разных русских городов — в первом разделе, и иностранных — во втором. В конце книги добавлены справки о полагающихся прогонах до тех или иных мест.

В конце 1668 г. В. подал в Посольский приказ проект создания военного и торгового галерного флота на Каспии для развития торговли с прикаспийскими народами и Индией и увеличения государственных доходов, а также для защиты торговых судов от морского разбоя.

Несомненный интерес представляют отчеты В. о его посольстве. Внимательный наблюдатель, В. сообщает из-за границы о внутреннем и внешнеполитическом положении государств, через которые ему пришлось следовать, о ходе военных действий между Францией и Голландией и вызванных ими дипломатических шагах и мероприятиях разных европейских правительств, о событиях и внутренних распрях в Польше и посреднических усилиях римского папы, об отношениях европейских государств с турками и проч. Отчеты В. отличаются также чрезвычайной ясностью стиля, точностью и удобопонятностью языка. Так, например, излагается характеристика государственного строя Англии: «Правление Английского королевства, или, как общим именем именуют, Великой Британии, есть отчасти монархально (единовластно), отчасти аристократно (правление первых людей), отчасти демократно (народоправительно). Монархально есть потому, что имеют англичане короля, который имеет отчасти в правлении силу и повеление, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великих дел, начатия войны или учинения мира, или поборов каких денежных, король созывает парламент, или сейм. Парламент делится на два дома: один называют вышним, другой — нижним домом. В вышнем собираются сенаторы и шляхта лучшая изо всей земли; в другом собираются старосты мирских людей всех городов и мест, и хотя что в вышнем доме и приговорят, однако без позволения нижняго дома совершить то дело невозможно, потому что всякие поборы денежные зависят от меньшаго дома. И потому вышний дом может назваться аристократия, а нижний — демократия. А без повеления тех двух домов король не может в великих делах никакого совершенства учинить».

В 1674 г., по возвращении из посольства, В. переводит с немецкого пространный сборник басен с историческими и легендарными примерами: «Зрелище жития человеческого, в нем же изъяснены суть дивные беседы животных, со истинными к тому приличными новостями в научение всякого чина и сана человеком». Оригинал перевода — «Theatrum Morum, artliche Gespräch der Thier mit wahren Historien der Menschen zur Lehr», составленное и напечатанное в 1608 г. в Праге, или его возможное переиздание. Сюжеты басен традиционны, две трети из них принадлежат Эзопу. Что касается примеров (или «прилогов», как называет

их В.), то их основной источник — сообщения и свидетельства длинного ряда античных и средневековых писателей и анналистов от Геродота и Тита Ливия до Иоанна Куспиниана и Лаврентия Сурия. При этом примечательно, что весь реестр обличаемых пороков — от мелкого тщеславия, алчности, лживости, двоедушия, подозрительности, черной неблагодарности и до вероломства, отступничества, предательства, мстительности и необузданной жестокости — иллюстрируется прежде всего деяниями правителей и монархов — персидских, иудейских, египетских, греческих, римских, византийских, турецких и проч. Множество «прилогов» связано с событиями политической и вооруженной борьбы с Востоком — с походами Александра Македонского, римскими завоеваниями в Передней Азии и Северной Африке, крестовыми походами в Палестину, борьбой Византии и балканских государств с турками-османами и т. п. Рядом с внешнеполитической тематикой выступают и вопросы внутренней политики. Картины социального гнета и протеста, тирании властителей и возмущения рабов оборачиваются проблемами взаимоотношений монарха и подданных, природы государственной власти, экономического и политического положения классов, суда и социальной справедливости и др. Эти проблемы привлекали В. и прежде в его компилятивном «Избрании от святых, божественных и царственных книг, памяти ради».

Насыщенность беллетризованными историческими сюжетами придавала «Зрелищу» немалую познавательную ценность даже при узкодидактической их интерпретации. Однако первый план тут все же занят идеологическими мотивами. Политическим идеалом представляется правление «тихого» государя, «иже правяше люди своя во блазе, со всякою тихостию и кийждому суд творяше праведный». Это и в интересах монарха, ибо «благое состояние князей и государей состоится во благоденствии подданных их». Но та же идея выдвигается и в более экспансивной форме: «. . .сиде яростию правящим реку, яко не толикую силу имут, яко тии, иже тихостию и рассуждением управляют своя люди». Многократно повторяется тема «малых подданных», которые «могут во время подобно, яко же и великия, помощь государем своим сотворити». Однако тщетно надеяться на монаршью благодарность: «. . .аще кто время свое туне изживет во дворех великих и службы служит великия, ожидая себе воздаяния, — таковии состареются, воздаяния же немногия получают». И вообще «близость царская — яко близость огня».

Эмоциональная взволнованность отмечает текст В., когда предметом его оказывается социальная несправедливость. Но перевод В. далек от оправдания социального бунта или тем более от побуждения к нему: «. . .не подобает человеку гордостию восставати на государя своего, зане таковии вси погибают лишением чести, имения и живота своего». Мотивы народного возмущения и постигающего тиранию возмездия даются не в наставляющих сентенциях, а только в «прилогах» и только как уроки истории.

В напряженной обстановке последней трети XVII в., на фоне непрекращающихся народных восстаний, войн с Турцией и складывающейся абсолютистской монархии, перевод В. неизбежно порождал ассоциации с русскими событиями, и последующая судьба памятника свидетельствует о самом живом внимании к нему современников. Сохранившиеся списки этого перевода, выполненного в строгом и вместе удобопонятном стиле книжной славяно-русской речи и занимающего более сотни листов с оборотом ин-кварто, исчисляются многими десятками. Из них более 40 принадлежат концу XVII—началу XVIII в. Встречаются также списки, писцы которых вносили в «Зрелище» басни из других переводов, дополняя их «прилогами» из русской истории.

В 1712 г. выходит и печатное издание «Зрелища», набранное гражданским шрифтом. Однако из текста перевода устранил ряд басен, «прилоги»

которых очевидно ассоциировались с современными событиями, либо даже с обстоятельствами семейной жизни самого Петра I, так что в печатном «Зрелище» оставалось лишь 125 басен (из 134 первоначальных). Несмотря на значительный тираж (500 экз.), ни одного экземпляра этого издания ныне не сохранилось, хотя известны несколько его рукописных копий (лучшая — из собр. Киево-Печерской лавры, № 373/126, в ЦНБ АН УССР). Впоследствии печатное «Зрелище» послужило сюжетным источником ряда притч А. П. Сумарокова.

В последние годы жизни В. по распоряжению царя продолжал заниматься переводами и трудился над составлением голландского словаря. В 1708 г. им переведен трактат по механике, а в следующем году — учебник по теории и практике артиллерийской стрельбы «Описание артиллерии», напечатанный в 1710 г. в Москве. Два года спустя закончен трижды переизданный в 1714—1716 гг. перевод «Книги ордера или во флоте морских прав», посвященной вопросам военно-морского законодательства.

Соч.: Обнорский С. П. и Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1949. Ч. 2, вып. 1. С. 31—53; Статейный список посольства Винуса // ПДС. СПб., 1856. Т. 4. Стб. 803, 827, 852—912, 925—946.

Лит.: Федоров Б. Беседа русского старца с сыном своим // Отеч. зап. СПб., 1824. Ч. 18, кн. 50; Козловский И. П. Андрей Винус, сотрудник Петра Великого (1641—1717). СПб., 1911 (в дополненном виде включено в кн.: Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Варшава, 1913. Т. 1); Доронков И. М. В. «Книга Винуса». Памятник русского собирательства XVII—XVIII вв.; // Изв. АН СССР. Сер. 7. Л., 1929. № 3. С. 215—230; Быкова Т. А. Затерянное издание «Зрелища жития человеческого» // Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. М.; Л., 1955. Приложение II; Левинсон Н. Альбом «Книга Винуса» — памятник художественного собирательства в Москве XVII века // Ежегодник ГИМ за 1961 год. М., 1962. С. 71—98; Тарковский Р. Б. 1) «Зрелище жития человеческого» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 249—253; 2) Старшие русские переводы как сюжетные источники притч А. П. Сумарокова // Там же. 1976. Т. 26. С. 85—92. Казакова Н. А. А. Винус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672—1674 гг. // ТОДРЛ. 1985. Т. 39. С. 348—364.

Р. Б. Тарковский

Возницын Прокофий Богданович (вторая половина XVII в.) — дипломат, автор писем. Из подъячих московских приказов В. вышел в дипломаты петровской поры. Наиболее известны его участие в качестве третьего посла в «Великом посольстве» 1697 г. и представительство при заключении перемирия с турками в Карловичах в 1699 г.

Сохранились письма Петра I 1698—1699 гг., адресованные В., сохранились и письма самого В. из Вены, из Карлович (десять из них адресованы царю Петру I, одно — «дохтуру» Петру Поспикову, несколько писем — Ф. А. Головину). Эти письма, насыщенные политическими новостями, сохраняют форму челобитных, в которых автор называет себя «убогой твоей государев раб Пронка», «недостойный раб Пронка Возницын» и т. п. Некоторые слова автор пишет латинскими буквами, часть писем написана тайнописью — «цыфирью». Среди обычных для посольских отчетов терминов («посольский стан», «запрос» и др.) в письмах В. встречаются новые: «армистициум», «ратификация» и др. Дипломатическую школу В. прошел на службе в Посольском приказе (с 1667 по 1690-е гг.), в должности гонца в Венецию и Польшу (1670-е гг.), в посольстве к турецкому султану и др. Его дипломатические заслуги не были оценены из-за наговоров и наветов Емельяна Украинцева.

Соч.: ПДС. СПб., 1867. Т. 8. С. 749—1414; 1868. Т. 9. Стб. 235—239; Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1883. Т. 1. С. 691, 700, 709, 743, 745, 746, 752, 753, 762.

Лит.: Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей. М., 1836. Ч. 1. С. 305—318; Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 125—

126; Богословский М. М. Петр I. М., 1940. С. 367—369, 378; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 101.

О. А. Белоброва

Гадзалавский (Гадзяловский) Стахий (вторая половина XVII в.) — переводчик Посольского приказа в Москве с 1667 г. до конца XVII в. (упоминается по 1689 г.). Переводил с польского и латинского. Перевел с польского издания 1683 г. книгу Иоанникия Галятовского «Алкоран Махметов» — полемическое сочинение против магометан (ГПБ, Ф.XVII.19) и изданный в Кракове труд о выезде лошадей *Hirrica albo nauka o koniach. . . W Krakowie, S. a.* (перевод 1685 г., известен в списках ГПБ, Q.X.8 и ГПБ, Ф.X.1). Брат Г. Иван Гадзалавский был царским иконописцем, учеником *Симона Ушакова* (сохранилась челобитная Ивана 1670 г. с упоминанием Г.). Г. обучал русскому или польскому языку шведского посла в Москве *И. Спарвенфельда* и продал ему рукописный латинско-русский словарь. Среди вывезенных Спарвенфельдом русских рукописей в одном из сборников сохранился список перевода Г. «Алкоран Махметов». Переводы Г. не опубликованы.

Лит.: Шляпки И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891. С. 90, 133; Соболевский. Переводная литература. С. 42, 112; Бурунов С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 132; Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в.: Словарь. М., 1910. Т. 2. С. 57; Nilsson N. A. Russian Heraldic Virši from the 17th Century. Uppsala, 1964. P. 68—69.

О. А. Белоброва

Герасим Фирсов (ум. IX 1667 г.) — соловецкий старец и идеолог старообрядческого движения на его раннем этапе. В монастырь пришел, по-видимому, из Москвы в конце 40-х гг. XVII в., где и принял пострижение. Г. Ф. не пользовался в монастыре хорошей репутацией, «был хитрым и лукавым монахом необузданного и буйного нрава, любил выпить и был нечист на руку» (Никольский Н. К. Сочинения . . . С. IV). Не сложились у него поначалу отношения и с соловецким архимандритом Ильей (1652—1659), на которого он подал две челобитные патриарху *Никону*. Первая из них не сохранилась, со второй Г. Ф., покинув для этого монастырь, приехал в Москву (Материалы для истории раскола. . . Т. 3). Однако Никон посчитал обвинения Г. Ф. против архимандрита вздорными, и жалобщик был бит плетью на Патриаршем дворе, а затем временно отдан «под начал» в Николо-Корельский монастырь. По возвращении на Соловки Г. Ф. некоторое время был на должности приказного старца в монастырских береговых усольях и на рыбных ловлях, а в 1658 г. становится соборным старцем и ближайшим советником настоятеля монастыря. Такая перемена в отношениях Г. Ф. с архимандритом Ильей может быть объяснена неприязнью их обоих к патриарху *Никону* и отрицательным отношением к начатой им церковной реформе. Летом 1655 г. Соловецкий монастырь посетил глава старообрядческой оппозиции протопоп *Иван Неронов*, принятый с почетом архимандритом и братией. Во время посещения монастыря или позднее Иван Неронов мог попросить архимандрита Илью или самого Г. Ф. собрать материалы, подтверждающие истинность древних книг и обрядов и в осуждение проводимой патриархом *Никоном* церковной реформы (см.: Бунов Н. Ю. Книга раннего старообрядчества. С. 37). Результатом предпринятой Г. Ф. исследовательской работы стало появление его известного богословского сочинения «О сложении перстов десных руки», написанного с использованием материалов обширной соловецкой библиотеки.

После смерти архимандрита Ильи соловецким архимандритом был избран Варфоломей (1660—1667). Тогда же, в 1660 г., в монастырь приехал «на покой» бывший архимандрит монастыря Саввы-Сторожевского *Никанор*, имевший, по-видимому, надежду на свое избрание соловец-

ким настоятелем. Г. Ф., еще ранее состоявший в дружеской переписке с Никанором и информировавший последнего о событиях в монастыре, возглавил вместе с ним оппозицию против Варфоломея, считавшегося нетвердым в «старой вере». Г. Ф. явился главным инициатором и составителем Челобитной к царю, поданной в 1666 г. от имени большой группы соловецких иноков и содержащей жалобы на архимандрита (Материалы для истории раскола. . . Т. 3. С. 47—66). В том же году Г. Ф. был вызван в Москву на церковный собор для «увещевания», где он довольно неожиданно для судивших его архиереев принес покаяние в своих старообрядческих «заблуждениях». Решением собора он был отправлен для «испытания» «под начал» в Иосифо-Волоколамский монастырь, где ему было поручено написать «обличение» на свои прежние «письма». Однако последовавшая вскоре смерть не дала Г. Ф. осуществить обещанное.

Современники Г. Ф., как и писатели, жившие позднее, сходятся на том, что влиятельное положение этому старцу удалось завоевать не только своим активным участием в политической жизни монастыря, но и пером, которое помогло ему получить авторитет в религиозных вопросах. «При жизни Герасима соловецкие старцы были прекрасно знакомы не только с мелким характерным почерком его, но и с его своеобразным слогом и с литературными приемами. . .» (Никольский Н. К. Сочинения. . . С. IX). Уведомляя архимандрита Варфоломея о поданном на него доносе, соловецкий келарь Савватий писал: «А иные, государь, статьи писали коварственным своим умыслом, что и в ум не вместится — самым мелким писмом Герасима Фирсова, на пяти столбцах написано» (Материалы для истории раскола. . . Т. 3. С. 72).

Главным сочинением Г. Ф., утвердившим за ним славу и авторитет богослова как среди старообрядцев, так и в кругах церковников, явилась его книга «О сложении перстов, еже которыми персты десныя руки подobaет всякому православному христианину вообразати на себе знамение честнаго креста» (изд. Н. К. Никольским). Побудительным толчком к созданию сочинения могла быть, как уже говорилось, просьба протопопа Ивана Неронова. Об этом свидетельствует косвенно и начало сочинения: «Понеже прошение твое бысть и понудил мя еси, еже дати тебе написано твердое и известное свидетельство от божественных писаний о сложении перстов десныя руки. . .». Характерно также, что список этого сочинения имелся в архиве игумена Феокиста, бывшего, как известно, ближайшим сподвижником и «секретарем» Ивана Неронова (Материалы для истории раскола. . . Т. 1. С. 323. № 22). Однако непосредственным поводом для создания сочинения явилась насущная необходимость для старообрядцев дать обстоятельный ответ на статью о троеперстии, помещенную патриархом Никоном в антистарообрядческом сборнике «Скрикаль», вышедшем в свет в 1656 г., ссылки на листы которого имеются в сочинении Г. Ф. Поскольку в челобитной соловецких попов, поданной в 1658 г., уже упомянуты «тетради на крест» Г. Ф., последнее сочинение можно датировать периодом вскоре после 1656 г. (Никольский Н. К. Сочинения. . . С. XVIII). Авторитет сочинению Г. Ф. несомненно придавало и то обстоятельство, что автор широко пользовался библиотекой Соловецкого монастыря, на книги которой он делал ссылки в своем труде (автограф хранится: ГПБ, Соловецкое собр., № 901). Сочинение Г. Ф. о крестном знамении высоко ценилось старообрядцами, распространялось в списках и было издано в Супрасле.

Помимо названных сочинений Г. Ф. принадлежит литературный цикл, связанный с памятью митрополита *Филиппа II*, причисленного церковью к лику святых. Это написанная им Служба на перенесение мощей святого Филиппа, законченная незадолго до 1652 г., Похвальное слово на перенесение мощей митрополита (написано по поводу перенесения мощей святого в Москву, осуществленного патриархом Никоном в 1652 г.), а также небольшое проложное *Житие Филиппа митрополита*, составлен-

ное тогда же по поручению епископа Никодима и представляющее собой переработку уже имевшегося в монастыре жития этого святого, написанное в конце XVI в. (изд. Н. К. Никольским). Кроме того, Г. Ф. принадлежит Похвальное слово Иоанну Лествичнику, отличающееся «цветистой искусственностью и богатством риторических фигур». Сочинение разделено на 30 статей, соответствующих 30 главам «Лествицы», а также лестнице христианских добродетелей, и относится, видимо, к раннему периоду творчества писателя (изд. Н. К. Никольским). Одним из сравнительно поздних произведений Г. Ф. является написанное им «Показание от божественных писаний» — обширное послание, отправленное автором архимандриту Никанору в Саввин-Сторожевский монастырь (изд. Н. К. Никольским). Это послание интересно тем, что в нем автор перечисляет свои литературные труды и просит Никанора похлопотать перед патриархом Никоном об официальном признании своих сочинений, посвященных митрополиту Филиппу и Иоанну Лествичнику. Возможно, что именно неудача в этих хлопотах толкнула Г. Ф. в лагерь противников патриарха и предпринятой им церковной реформы. В целом сочинения Г. Ф. с литературной стороны интересны как незаурядные образцы высокого книжного стиля, тяготеющего к церковно-богослужебному, книжному языку. В то же время в произведениях Г. Ф. чувствуются типичные для книжников его времени черты, в частности критический подход к источникам, стремление «испытывать» как божественное писание, так и писания современных ему «учителей». Этим он близок как к более поздним представителям литературы старообрядческой, так и к тем писателям древнейшей эпохи славяно-русской книжности, которые требовали свободного и «разумного» освоения духа (а не буквы) христианского учения (Н и к о л ь с к и й Н. К. Сочинения. . . С. XLII).

Соч.: Сборник. Супрасль, <1789>. Л. 92 об.—154; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1878. Т. 3. С. 47—66; Н и к о л ь с к и й Н. К. Сочинения соловецкого инокса Герасима Фирсова по неизданным текстам. ОЛДП. СПб., 1916.

Лит.: А л е к с а н д р Б р о в к о в и ч. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 2. С. 62—72; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1874. Т. 1. С. 326 и др.; В л а д и м и р о в П. В. Очерки по истории литературного движения на севере России // ЖМНП. 1879. Т. 205; Деяния собора 1666 г. М., 1881. С. 35; Дополнение 5. С. 458; Сы р ц о в И. И. Возмущение соловецких монахов старообрядцев в XVII веке. Кострома, 1881. С. 123—130; С т р о е в. Словарь. С. 61—62; М а к а р и й <Б у л г а к о в>. История русской церкви. СПб., 1883. Т. 16. С. 635, 637; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 570; Д р у ж и н и н. Писания старообрядцев. С. 263—264; В ы с о ц к и й Н. Г. Герасим Фирсов // РБС: Гааг—Гербель. М., 1914. С. 478—480; Б у б н о в Н. Ю. 1) Книга раннего старообрядчества // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: Тез. Второй Всесоюз. науч. конф. по пробл. книговедения. Секция рукописной книги. М., 1974. С. 37; 2) Писатели-старообрядцы Соловецкого монастыря // Книга и книготорговля в России в XVI—XVIII вв. Л., 1984. С. 39—41.

Н. Ю. Бубнов

Герман (ум. 11 XII 1681) — архимандрит Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, виднейший поэт школы этого монастыря. Г., по-видимому, поселился здесь вместе с *Никоном*, после того как последний 10 июля 1658 г. самовольно оставил архипастырский престол и Москву. Юным иподьяконом и келейником патриарха, безбородым и круглолицым, Г. предстает на известной картине первой половины 1660-х гг. (приписывается голландскому художнику на русской службе Д. Вухтерсу). По монастырской легенде XIX в. (ЧОИДР. 1874. Кн. 3, отд. 1. С. 22), картина изображает назидательную беседу Никона после служения в Голгофской церкви. Г. держит раскрытую книгу, по которой Никон и поучает братию. В Новом Иерусалиме Г. достиг высших монастырских должностей: строителя (в 1673—1675 гг. и — после перерыва — с 1678 г.), архимандрита (за год с лишком до смерти). Служебные дела Г. не всегда

шли гладко. Временная отставка Г. с должности строителя воследовала из-за учиненного им «с товарищи» какого-то «бою и срыва казенной печати», за что Г. в мае 1676 г. публично, на глазах всей братии, был подвергнут телесному наказанию. В Новом Иерусалиме Г. и похоронен (в церкви Всех Святых). На каменной плите над его могилой была высечена стихотворная эпитафия, сочиненная преемником Г. архимандритом *Никанором* (часто ошибочно считается автоэпитафией). В ней отмечена близость Г. к Никону («Бяше ученик его бывый присный»). Об этой близости пишет также *Иван Шушерин*, автор Жития Никона.

Действительно, Г. неизменно пребывал верным своему патрону. 30 ноября 1666 г. Никон служил последнюю литургию в Голгофской церкви (ему предстояло ехать на церковный собор в Москву). Присланный за опальным патриархом спасский архимандрит Сергей затеял с ним громкий и бранчивый спор. Именно Г. было приказано выгнать спорщика из храма, и любимец патриарха выполнил поручение. В 1680 г. Г. — в числе подписавших челобитную о возвращении Никона из Кирилло-Белозерского монастыря в Новый Иерусалим (патриарх *Иоаким* не дал на это разрешения). 25 августа 1681 г. Г. в присутствии царя *Феодора Алексеевича* отпел тело Никона, который, получив наконец позволение воротиться в основанную им обитель, умер по дороге туда, близ Ярославля. Г. был автором двух стихотворных эпитафий Никону, вырезанных на надгробных камнях.

В последние годы жизни Г. пользовался покровительством царя *Феодора Алексеевича*, который выказал интерес и благосклонность к Новому Иерусалиму летом 1678 г. 5 сентября царь со всей родней впервые провел здесь три дня, а в следующие годы еще шесть раз посетил монастырь. Г. читал государю орации, за что и бывал жалован (например, назавтра после похорон Никона царь «пожаловал архимандриту Герману своей государевой конюшни иноходца бура, и архимандрит Герман великому государю кланялся в землю» — ЧОИДР. 1874. Кн. 3, отд. 1. С. 53; в другой раз по царскому повелению для Германа была «построена» драгоценная архимандричья шапка). По-видимому, при *Феодоре Г.* поддерживал творческие контакты с *Симеоном Полоцким*, *Сильвестром Медведевым*, *Карионом Истоминым* и другими поэтами этого круга.

В эпитафии *Никанора* прямо сказано о том, что Г. был поэтом («Изрядная сочини псалмопения»). Ему принадлежат стихотворные переложения псалмов (например, 140-го: «Господи! Возвах к тебе, услыши мя») и духовные песнопения, приуроченные либо к храмовым праздникам, либо к другим событиям (перечень см.: Позднее в А. В. Песняк-акrostихи. . . С. 365—366). Г. пользовался изосиллабической версификацией, прекрасно владел разными строфическими формами, особенно любил акrostих, в частности рифмованный: «Плавая водою, | омываема тою, | зря ту умерша, | писаша вирша, Герман ридая, | поя и вздыхая»; «Воскресением | и обновлением | писа веселяся | монах Герман моляся | монах у ркеста | тем и не преста»; «День празднества | велия торжества | празднуя писаше | Герман ликоваше» и т. п. Функции акrostиха в ново-иерусалимской гимнографии несколько изменились по сравнению с эпистолиями приказной школы. Г. и поэты его круга отвели акrostиху роль передатчика информации об авторе текста. Наряду с рифмованными фразами Г. сообщает о себе различные сведения прозой — о монастырской карьере («типикарь», «уставщик», «убоги чернец», «иеромонах», «строитель»), о принадлежности к братии иерусалимской обители («Воскресенский»), наконец, о своем здоровье («маия месяца болезнен»). Это разнообразие сведений стало возможным благодаря техническому совершенству акrostиха, который содержал до трех и более фраз, стихотворных и прозаических. Так, в рукописи (ГБЛ, Музейное собр., № 9498, текст под № 124) богородичный гимн «Радуйся, благодатная, аггел царю дарованная» написан в 7 столбцов, так что повторяющийся акrostих-рефрен

читается слева направо вниз под прямым углом, снизу вверх налево также под прямым углом, зигзагом и т. д. Внизу по трем строкам слева направо — дополнительное акростишное двустушие: «Господ(ь) с тобою | Герман пою». В одной из эпитафий Никону Г. воспользовался двумя акростихами: первый («Герман написа») читается «по виршам» (т. е. по начальным буквам двустуший), второй — по конечным буквам («В славу си отца»).

Г. был также музыкантом-исполнителем (певчим, регентом хора, лютнистом), видимо, композитором. Мелодии его гимнов, сочиненные в партесном стиле, бесспорно принадлежат одному автору, скорее всего самому Г.

Сохранилось завещание Г. (ГБЛ, собр. Вахрамеева, № 451). Из него и других материалов явствует, что у Г. была хорошая библиотека, включавшая кроме русских изданий книги на греческом, латинском и польском языках. Г. завещал их Ивану Шушерину и перодьякону Дамаскину (оба оставили заметный след в литературе XVII в.).

Соч.: Бессонов П. Калитки переходные. М., 1863. Вып. 3. № 187; Вып. 4, № 229, 278, 346; Вып. 5. № 404, 416; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 96—103, 367—368.

Лит.: Ш у ш е р и н И. Жизнеописание патриарха Никона. М., 1830; Л е о н и д. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря // ЧОИДР. 1874. Кн. 3, 4; П о з д н е е в А. В. 1) Рукописные песенники XVII—XVIII веков: (Из истории песенной силлабической поэзии) // Учен. зап. Моск. заоч. пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 5—112; 2) Песни-акростихи Германа // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 364; 3) Никоновская школа песенной поэзии // Там же. 1961. Т. 17. С. 419—428; 4) Поэт XVII века Герман: (Мастер акростиха) // Československá rusistika. Praha, 1969. R. 14, N 4. S. 150—158; Ч и ж е в с к и й Д. И. Акростихи Германа и старорусские акростихи // Ibid. 1970. R. 15, N 3. S. 102—104; П а н ч е н к о А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 103—115.

А. М. Панченко

Гивнер (Гибнер) Юрий Михайлович (иначе Хюфнер Георг) (ум. 1691) — руководитель придворного театра, составитель пьесы «Темир-Аксаково действо», переводчик календаря. Г. — уроженец Саксонии, выехавший в Польшу в 1649 г. и захваченный в русский плен в 1656 г. В Москве Г. был определен В. Брюсом в качестве учителя латинского и немецкого языков в Немецкой слободе. Здесь Г. женился и вошел в круг помощников пастора *И. Г. Грегори*, руководившего первым придворным театром в Москве. В 1675—1676 гг. Г. сам заведовал театром и осуществил в этот короткий период несколько постановок, в том числе переведенную им (и составленную из разных источников) пьесу «Темир-Аксаково действо». С 1679 г. до смерти, последовавшей в 1691 г., Г. служил переводчиком Посольского приказа в Москве. В 1683 г. он был послан с П. И. Потемкиным во Францию и Испанию, но вернулся в Москву до окончания службы, за что был наказан. В 1690 г. Г., лютеранин, был уличен по жалобе польского резидента в оскорблении приезжих иезуитов. Выступал Г. (совместно с *Иваном Тяжкогорским*) и против протестанта Квирина Кульмана, осужденного в Москве за «еретичество». Известен переведенный Г. текст Календаря на 1690 г. шведского математика Я. Г. Фохта (перевод дошел в списке ГПБ, Q.IV.357).

Лит.: С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 135; Б е л о к у р о в С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 131; Ц в е т а е в Дм. Памятники к истории протестантизма в России. Ч. 1. // ЧОИДР. М., 1883. Кн. 3. С. 135; РБС: Герберский—Гогенлоз. М., 1916. С. 173—174; П а р ф е н о в А. Т. К вопросу о первоисточниках «Темир-Аксакова действа» // Вестн. МГУ. М., 1969. № 2. С. 16—30 (Сер. 10: Филология); Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. [Ранняя русская драматургия (XVII—первой половины XVIII в.)]. М., 1972. С. 6, 10, 295, 296, 312 (публ. и коммент. «Темир-Аксакова действа»).

О. А. Белоброва

Гозвинский Федор Касьянович (вторая половина XVI—начало XVII в.) — переводчик Посольского приказа. Г. был выходцем из Юго-Западной Руси. Пребыванию в одной из юго-западных школ обязан Г. основательным знанием и церковнославянского, и древнегреческого языков, а также некоторым знакомством с латынью. Знание им языков особо отмечает неизвестный автор в послании к патриарху *Гермогену*: «. . . а тот толмач Феодор не одному языку горазд, но и паче еллинскому и латинскому вящи учен». Польский язык Г. знал с детства.

19 октября 1607 г. в Москве Г. закончил перевод «Притчей, или Баснословия Езопа Фриги» (145 басен), впоследствии более известный как «Книга, глаголемая Езоп». Оригинал перевода — так называемая Аккурсиана, сложившаяся в Византии в XIV в. (по другому мнению — в IX в.) и переработанная в духе «аттицизма», наиболее поздняя из прозаических версий Езопа, опубликованная в 1479—1480 гг. в Милане итальянским гуманистом Боно Аккурсием и многократно затем переиздававшаяся типографиями Западной Европы.

Вместе с «Притчами» Г. перевел и суждения о басне из риторических прогимнасов римского ритора Автония (III—IV вв. н. э.), за три четверти века до *Иоанникия* и *Софрония Лихудов* и за полтора года до Ломоносова познакомив русского читателя с теоретической характеристикой жанра, классификацией и определением его разновидностей, особо выделив назначение сентенции. Жанровая природа басни раскрывалась и стихотворным предисловием переводчика — сочиненными Г. «Виршами на Езопа»:

... Пиша притчами сими зверския нравы,
И в них изображает человеческия sprawy:
Птицами и рыбами поставль основание
И надбасным творит нам истолкование.
Притча к притчам — сказание и глагол притчи,
И в притчах притчюслагатель глаголет вещи.

Глумление сея притчи не в глумех,
Но утешительное прочитание в разумех;
Нравоучительная к нам сей беседеует
И в притчах полезная к житию дарует. . .

Небезынтересны «Вирши на Езопа» и как один из ранних опытов ученой поэзии с преднамеренной игрой смысловыми оттенками слов, столкновением их внутренних форм, нагнетением антитез, сопоставлений и подчеркивающих повторений.

Тогда же Г. перевел и баснословное жизнеописание Езопа, составленное, как полагают, византийским монахом Максимом Планудой. В Петровскую эпоху этот перевод был дважды издан в числе первых книг гражданской печати: в 1712 г. — в Москве и в 1717 г. — в Петербурге.

Осуществленный в приказной среде перевод Эзоповых басен примечателен как отражение возрождающегося с начала XVII в. интереса к светским беллетристическим жанрам, когда в центре повествования оказывается не религиозный долг христианина, а отношение человека к себе и себе подобным. Естественно, что секуляризация нравственно-дидактической тематики вызывала враждебное отношение к эзоповской басне московской церкви.

Перевод Г. интересен и как факт истории русского литературного языка, представляя одну из ранних попыток приспособления книжнославянской речевой культуры к требованиям новой исторической эпохи — неизбежному расширению социальных функций письменной речи, и в частности попытку приспособления церковнославянского языка к светской семантике и его освобождения от наиболее архаичных лексических элементов.

Наконец, труд Г. примечателен как один из образцов профессионального древнерусского перевода, в котором пословная полнота семантического отражения текста-источника и — как правило — лексическое

и конструктивное соответствие переводного текста оригиналу сочетаются с многообразными приемами приспособления иноземного рассказа к привычным повествовательным и стилистическим формам древнерусской литературы и к психологии русских читателей.

Перевод Г. быстро приобрел широкое распространение. Его популярность подтверждается как числом известных списков (27) и средой их бытования, так и дальнейшей историей повествовательного приспособления к литературным вкусам и представлениям древнерусских читателей. Помимо двух авторских редакций перевода — предварительной (ГИМ, собр. Уварова, № 170) и нескольких видов основной (вид А — ГПБ, собр. Погодина, № 1964; ГИМ, Музейское собр., № 1626; ГБЛ, собр. Тихонравова, № 229; вид Б — ГПБ, Q.XVII.272; вид В — ГПБ, собр. Погодина, № 1604; вид Г — ГБЛ, собр. Тихонравова, № 249) — последовательно появляются одна идеологическая и четыре стилистические.

Идеологическая редакция (ГПБ, собр. Вяземского, O.LXVIII) создается во второй четверти XVII в., представляя попытку приспособления перевода Г. к духовной атмосфере Московской Руси, и определяется устранением из текста перевода мотивов и эпизодов, противных православию, либо ловким преобразованием их.

Наиболее ранняя из стилистических редакций возникает в середине XVII в. и выделяется детализацией и развитием прежних, а то и включением в басенные рассказы новых сюжетных эпизодов (списки не сохранились, реконструируется сопоставлением текстов других редакций). К середине XVII в. складывается также сводная редакция (Швеция, б-ка Вестероской гимназии, cod. Ad.10; копия — ГПБ, собр. Сухтелена, F.XIV.5). Тогда же появляется еще одна стилистическая редакция басен с присущим ей подчеркиванием логических связей и мотивировок развития действия (вид А — ГПБ, собр. Титова, № 1903; ГБЛ, собр. Ундольского, № 690; вид Б — ГИМ, Музейское собр., № 2684; вид В — ГБЛ, Музейное собр., № 3254). К концу XVII в. относится последняя редакция перевода с характерными для нее прибавлениями к басенному рассказу заключительных эпизодов (ГИМ, собр. Барсова, № 2325). Общие масштабы изменений текста «Притчей» таковы, что в последней редакции практически уже каждое третье полнозначное слово представало как то или иное поновление последовательных редактур и переписок.

Летом 1609 г. Г. перевел «Тропник» папы Иннокентия III, однако не с латинского оригинала «De contemptu mundi sive de miseria humanae conditionis», а с его польского перевода «Tropnik, albo mała droga do zbawienia». Язык «Тропника» — ученый и соответственно характеру памятника риторически напряженный, сложный. Списков этого перевода — множество.

Для истории авторского самосознания на Руси небезынтересна завершавшая перевод «Тропника» моноримическая запись Г. о себе как о переводчике:

В премудростех славимый
И в разуме хвалимый,
Честностию же чести честно почитаемый,
Во своих бо сих делех художно познаваемый,
Понеже трудолюбно подвигаемый
И усердно совершаемый,
Богом же самем наставляемый —
Феодор Касиянов сын Гозвинский,
Греческих слов и польских переводчик.

Соч.: Буслев. Историческая хрестоматия. Стб. 1409—1414 (13 басен); ПЛДР. XVIII век. М., 1989. Кн. 2. С. 27—55.

Лит. Русские переводы Езоповых басен в начале и в конце XVII в. // Рус. вестн. СПб., 1842. Т. 5, № 2, отд. 2. С. 174—179; Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 169—174; Соловьевский. Переводная литература. С. 203, 380—381; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 112—113; Тарковский Р. Б. 1) «Притчи, или

Баснословие Эзопа Фриги» в списках XVII—начала XVIII века: (Техника перевода. Язык. Стил. История текста). Л., 1972; 2) О системе пословного перевода в России XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 243—256; 3) Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975; 4) Эстетическая ассимиляция басенного жанра: (Повествовательные редакции первого перевода Эзопа) // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976. С. 186—230.

Р. Б. Тарковский

Голицын Василий Васильевич (1639, по другим данным — 1633 или 1643—21 IV 1714) — князь, библиофил и автор грамоток. Г. получил блестящее образование, выделявшее его среди московской знати; владел польским и латинским языками. Начал службу при государевом дворе в стольниках, исполняя ряд почетных придворных обязанностей — чапника (1658), государева возницы (1666). По словам смоленского митрополита Симеона, сообщение которого записал датский дипломатический представитель Горн, Г. обнаружил свои честолюбивые замыслы в последние годы царствования *Алексея Михайловича* (см.: *Возгрин В. Е.* Источники по русско-скандинавским отношениям XVI—XVIII вв. // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ. Л., 1982. С. 154). Так или иначе, именно к этому времени относятся первые успехи Г. на служебном поприще. В конце 1675 г. Г. был послан с полком на Украину «для бережения городов от прихода турецкого салтана»; в разрядной записи о приеме послов, состоявшемся за день до смерти царя (29 января 1676 г.), Г. упомянут первым среди стольников выборной сотни. Взлет служебной карьеры Г. связан с правлением *Феодора Алексеевича*. Г. был первым, кого молодой царь пожаловал в бояре (4 мая 1676 г.) (ЦГАДА, ф. 210. Боярские книги, № 7, л. 23; Боярские списки, № 14, л. 2 об.). Одновременно с первым воеводским назначением он получил и почетный дипломатический титул наместника черниговского, введенный специально для него (ЦГАДА, ф. 166, оп. 1, № 4, л. 17). После этого Г. был послан на Украину уже как личный представитель царя при русском войске. Ему должны были писать «о вестях» другие воеводы, в том числе и командующий русским войском боярин князь Г. Г. Ромодановский. В 1676 г. Г. находился «с полком» в Путивле, в 1677 г. — там же и в других «малороссийских городах». После сдачи в плен гетмана П. Дорошенко Г. была пожалована гетманская булава (вторую он получил при отпращивании в Первую крымский поход). После возвращения в Москву в 1678—1680 гг. возглавлял Владимирский судный приказ, с которым при Г. были соединены дела Челобитенного приказа (Архив ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовы), оп. 1, № 681: Г.-Ф. Миллер. История о жизни и государствовании царя Федора Алексеевича, л. 37 об.). В 1679 г. вновь назначен воеводой на Украину, служил в Севске, Путивле (см.: ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Ч. 17. С. 284—362; ср.: ЦГАДА, ф. 210: Столбцы Московского стола, № 1037, столпик 2, л. 1—45); вернулся в Москву в 1681 г. прославленным полководцем и сразу занял заметное место в ближайшем окружении царя. Сближился с незнатными придворными *Феодора Алексеевича* (Языковыми, Лихачевыми), выступившими в конце 70-х—начале 80-х гг. инициаторами реформ. После царского указа 1681 г., отменившего «враждотворное местничество», возглавил Ответную палату (комиссию «ратных и земских дел»), которой была поручена подготовка этой реформы (см.: *Седов П. В.* Социально-политическая борьба в 70—80-х гг. и отмена местничества: Дис. . . . канд. историч. наук. Л., 1985. С. 114—119). Во время московского восстания 1682 г., когда посольский дьяк Ларион Иванов был убит стрельцами, Г. возглавил Посольский приказ. В дальнейшем примкнул к окружению царей Ивана и Петра, был с ними в Савинском и Троицком походах (см. его переписку с находившимся в Москве Е. И. Украинцевым: Восстание в Москве 1682 г.: Сб. документов. М., 1976. № 40—48. С. 60—69). На следующий день после казни Хованских назначен «дворовым воеводой», возглавил собравшееся в Троице для подавления московского вос-

станция дворянское ополчение. 19 октября 1682 г. Г. был пожалован Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберэгателем — почетным титулом, который до него носил лишь *А. Л. Ордин-Нащокин* (ЦГАДА, ф. 141, № 123 (1683 г.), 2 л.). Возглавив с 20 декабря 1682 г. основные военные приказы — Иноземский и Рейтарский (а также — с декабря 1682 г. — Пушкарский приказ, которым он уже руководил в 1676—1677 гг.), Г. сосредоточил в одном лице руководство вооруженными силами и дипломатией. После окончательного оформления режима регентства царевны *Софьи Алексеевны* (1683) стал фактическим главой Русского государства. Важнейшим внешнеполитическим достижением Г. было заключение в 1686 г. «Вечного мира» с Польшей, укрепившего международное положение России и изменившего соотношение сил в правящих верхах (см. дело о награждении Г. в связи с заключением Вечного мира: ГБЛ, ф. 29, № 104, 114 л.; частично опубликовано: ВОИДР. М., 1850. Кн. 5: Смесь. С. 1—10). Г. удалось преодолеть сопротивление старомосковского боярства, выступившего в Думе против «западнического» курса правительства регентства (П. И. Прозоровский, Ф. П. Салтыков). Заключение договора привело к сближению Г. с патриархом *Иоакимом* — покровителем «нарышкинской партии», объединявшей сторонников малолетнего Петра. Сблизившийся с патриархом «латинист» Г. покровительствовал грекам *Иоанникию и Софронию Лихудам*, сыграл большую роль в организации Славяно-греко-латинской академии (1687) и даже дал деньги на строительство здания для этого первого в России высшего учебного заведения (см.: Розанов Н. П. Законодательский монастырь и Славяно-греко-латинская академия: Исторический очерк. — ГБЛ, собр. Розанова, п. 1, № 4, л. 5—5 об.). Согласно свидетельству современника-иностранца, Г. выписал из Греции «большое число хороших книг» для академии (N e u i l l e, de la. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. Paris, 1698. P. 175; см. также: С л у х о в с к и й М. И. Из истории книжной культуры России: Старорусская книга в международных культурных связях. М., 1964. С. 95—96).

Неудачный исход Крымских походов 1687 и 1689 гг. послужил прологом падения Г. После переворота 1689 г., приведшего к власти Нарышкиных, Г. с сыном были лишены боярских чинов и посланы в Каргополь (см.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1883. Т. 3. Стб. 3—4). 1 июля 1691 г. Г. отправлен с семьей в Пустозерск, до следующей весны пробыл в Мезени, а затем жил на Кевроле до 1694 г. Последние годы провел в Пустозерске. Умер на Пинежском волоке, похоронен в Красногорском монастыре (дата смерти — 1713 г., — указанная в ряде биографий, неправильна; см.: Петровский С. Кн. В. В. Голицын // РС. 1877. Т. 19, № 5. С. 133—135).

В состав библиотеки опального Г. входили: 1) Евангелие, переписанное царевной Софьей Алексеевной (ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 241; библиография см.: М а л ы ш е в В. И. Древлехранилище Пушкинского Дома: Литература 1965—1974 гг. Л., 1978. С. 13, 15, 85); 2) Сборник сочинений *Николая Спафария*, положенный «на помин души» в Антониево-Сийский монастырь (БАН, Архангельское собр., С. 129). Этот сборник был вскоре переписан в монастыре (БАН, Архангельское собр., Д. 429), тем самым было положено начало северорусской рукописной традиции произведений Спафария, принадлежавших до этого исключительно к столичной, придворной культуре (о сборниках см.: Строев. Словарь. С. 262—263; В и к т о р о в А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 32—33, 102; К у к у ш к и н а М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 152; Б е л о б р о в а О. А. О прижизненных сборниках сочинений Николая Спафария // Материалы и сообщения по фондам ОРРК БАН СССР. Л., 1978. С. 129—137). Книги, принадлежавшие Г., вероятно, мо-

гут быть выявлены и в других монастырских книгохранилищах Русского Севера, и прежде всего — в библиотеке Красногорского Богородицкого монастыря (БАН, Архангельское собр., Кр.).

Судьба московской библиотеки Г. неизвестна. Она была описана вместе со всем конфискованным имуществом (см.: Розыскные дела о Федоре Шаковитом. . . СПб., 1893. Т. 4), но в Оружейную палату с другими голицынскими пожитками не поступила (ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, № 938 (276)). Опись библиотеки Г. неоднократно была предметом специального изучения (см.: Ба к л а н о в а Н. А. Русский читатель XVII века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 156—193; Л у п ц о в С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 107—110). Библиотека хранилась в «верхней крестовой палате» и «нижней крестовой палате» голицынского дома в Охотном ряду и насчитывала 93 книги. По своему составу она ближе к собраниям библиофилов петровского времени, чем к библиотекам средневековых книжников: печатные книги преобладают здесь над рукописными, а светская литература — над религиозной.

В описи библиотеки Г. находятся и книги, «построенные» под его непосредственным наблюдением в книгописной мастерской Посольского приказа (см.: К у д р я в ц е в И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 13. С. 179—244; М о р о з о в Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—начале XVIII в. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Междувед. сб. науч. раб. М., 1983. Вып. 2. С. 107—124). Это относится прежде всего к «писменной» «Истории Эфиопии» Иова Лудольфа, латинское издание которой было привезено в Россию в 1684 г. Перевод был выполнен по личному распоряжению Г. (см.: *Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber publiée pour la première fois d'après les manuscrits originaux qui se conservent à la Bibliothèque ducale publique de Gotha.* Berlin, 1883). Единственный список перевода (ГПБ, F.IV.105) восходит к библиотеке Д. М. Голицына, что свидетельствует о возможной взаимосвязи библиотек «канцлера предпетровской поры» и верховника, на которую указывала О. А. Белоброва.

Г. принадлежал частный скрипторий, на что указывают записи в тексте ряда так называемых сборников Курбского: «185-го генваря в 22 день писана сия книга в дому боярина князя Василья Васильевича Голицына, глаголемая сия книга История» (Л у р ь е Я. С., Р ы к о в Ю. Д. Археографический обзор // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 278, 281, 282, 308—310). Отталкиваясь от этой записи, американский историк Э. Кинан выдвинул предположение о том, что Г. был одним из анонимных создателей цикла произведений, связанных с именем А. М. Курбского (критику этой концепции см.: С к р ы н н и к о в Р. Г. Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973). Кинан настаивает на связи посланий Курбского с кругом идей самого Г. (K e e n a n E. L. *The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV.* Cambridge (Mass.), 1974. P. 88, 93). Однако единственным источником, дающим представление о политических идеях «канцлера предпетровской поры», является рассказ о преобразовательном плане Г., записанный иностранным дипломатом Невиллем после 1689 г. (N e u v i l l e, de la. *Relation curieuse.* . . P. 175—176, 215—219; Н е в и л л ь де ла. Записки о Московии // РС. 1891. Т. 72. С. 265, 276). В «сборнике Курбского» из Отдела редкой книги Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета им. А. М. Горького, ггг № 129, сейфовый № 168/с (отождествлен Г. Н. Моисеевой со

списком из библиотеки Г.) нет ряда ранних произведений Курбского, например посланий Вассиану (см.: О с и п о в а К. С. «История о великом князе Московском» Андрея Курбского в Голицынском сборнике // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 296—307). Между тем именно в посланиях Вассиану содержится та резкая критика социально-экономического строя Московской Руси, которая была созвучна кругу идей Г. Эти факты заставляют критически отнестись к предположению Кинана о «секретной публицистической деятельности» Г. (К e e n a n Е. L. The Kurbskii—Groznyi Aposurpha. P. 93).

Заслуживает внимания эпистолярный архив Г., состоящий из более 140 писем, сохранившийся в рукописи ГБЛ, ф. 29, № 136 [Муз. 1640] (см.: В и к т о р о в А. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 117) и в ф. 210 из собрания ЦГАДА. Переписка Г. является уникальным для XVIII в. собранием частных писем, но «грамотки» самого Г. занимают в нем достаточно скромное место. Переписка первоначально хранилась в личном архиве Г., а позже попала из него в архив Разрядного приказа. Судьба прочих документов из конфискованного в 1689 г. родового архива Голицыных неизвестна. Исследовавший его опись Б. Н. Морозов выявил только один документ (жалованную грамоту), предположительно восходящий к этому архиву (М о р о з о в Б. Н. 4) К изучению описей частных архивов XVI—XVII вв. // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР (дооктябрьский период): Сб. ст. М., 1981. С. 84—85; 2) Частные архивы XVII века: Дис. . . . канд. ист. наук. М., 1984. Т. 2. С. 9).

Соч.: Переписка В. В. Голицына / Изд. И. Д. Беляев // ВОИДР. 1849. Кн. 4, отд. 3. С. 65—66; 1850. Кн. 5, отд. 3. С. 11—12; Кн. 6, отд. 3. С. 22—34; Кн. 7, отд. 3. С. 67—76; Кн. 8, отд. 3. С. 50—54; 1852. Кн. 12, отд. 3. С. 33—54; Кн. 13, отд. 3. С. 25—36; Князь Василий Васильевич Голицын: Письма к князю разных лиц в 1677 г. / Сообщ. А. Востоков // РС. 1888. Т. 57, № 3. С. 735—738; Князь Василий Васильевич Голицын: Письма к нему Боева, Баклановского и Леонтьева в 1677 г. / Сообщ. А. Востоков // РС. 1889. Т. 63, № 7. С. 129—132; Грамотки XVII—начала XVIII века. М., 1969. № 237—287. С. 127—154; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 2—15. С. 16—35.

Лит.: Записки о роде князей Голицыных // ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Ч. 17. С. 205—214; М а л и н о в с к и й А. Ф. Биографические сведения о кн. В. В. Голицыне // Труды и летописи ОИДР. М., 1837. Т. 7 (часть его неопубликованного труда «Биографические сведения о управлявших в России иностранными делами министрах» — ГБЛ, ф. 178 (Н. П. Румянцева), № 266, л. 35—54); Т е р е щ е н к о А. В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837. Ч. 1; С е р ч е в с к и й Е. Н. Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853. С. 16—38; С е м е в с к и й М. И. Современные портреты Софии Алексеевны и В. В. Голицына. Б. м., 1859; В г р ü с к п e r А. Beitrage zur Kulturgeschichte Russlands im XVII Jahrhundert. Leipzig, 1887; Г о л и ц ы н Н. Н. 1) Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных: Корректированное издание. Киев, 1889. С. 11 (в Науч. 6-ке Гос. Эрмитажа, РН 55.2.44 находится экземпляр с рукописными дополнениями автора); 2) Род князей Голицыных: Материалы родословные. СПб., 1892. Т. 1. С. 124; 3) Указатель имен личных, упомянутых в дворцовых разрядах. СПб., 1912; Ш м у р л о Е. Голицын Василий Васильевич // Энцикл. Словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1893. Т. 9: Гоа—Гравер. С. 47—48; [D a n i l o v N. N.] 1) V. V. Golitsyn bis zum Staatsstreich von Mai 1682 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Breslau; München, 1936. Jhrg. 1, H. 1. S. 1—33; 2) Vasilij Vasil'evič Golitsyn (1682—1714) // Ibid. Jhrg. 2, H. 2. S. 539—596; Б о г о я в л е н с к и й С. К. 1) «Ховалдына» // ИЗ. М., 1941. Т. 10. С. 180—224; 2) Приказные судьи XVII в.: Список. М.; Л., 1946. С. 245—246; Б е л о в М. И. К истории дипломатических отношений в период Крымских походов (1686—1689 гг.) // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1949. № 112. Сер. ист. наук, выш. 14. С. 154—188; Б а б у ш к и н а Г. К. Международное значение Крымских походов 1687 г. и 1689 г. // ИЗ. М., 1950. Т. 33. С. 158—172; Г р е к о в И. Б. «Вечный мир» 1686 г.: Автореф. дис. // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1951. № 2. С. 85—98; Б у г а н о в В. И. 1) Московские восстания конца XVII века. М., 1969; 2) Канцлер предпетровской поры // ВИ. 1971. № 10. С. 144—156; Б о г д а н о в А. П. Легосные и публицистические источники по политической истории России конца XVII в.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1983; Памятник общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные павегирики / Подгот. текста, предисл., коммент. А. П. Богданова. М., 1983. Ч. 1—2.

А. С. Лавров

Головин Николай Семенов (ум. 1716) — ученик *Иоанникия* и *Софрония Лихудов*, преподаватель Славяно-греко-латинской академии, переводчик, поэт. Г. участвовал в переводе книги Лихудов «Акос» под именем Николая Семенова (ГИМ, Синодальное собр., № 299). Инициалами Н. С. обозначено участие Г. в переводе «Енхиридиона» Досифея, патриарха Иерусалимского (с общей правкой *Евфимия Чудовского*) (ГИМ, Синодальное собр., № 308). С 1698 г. — справщик Московского Печатного двора. В прошении Евфимия Чудовского на имя патриарха *Адриана* об издании книг (ГИМ, Синодальное собр., № 179, 310) содержится рекомендация «справщиком, добре знающим еллинославенский глас, Николаю и Феодору», т. е. Г. и *Феодору Поликарпову*. Сохранились книги, принадлежавшие Г.: например, греческая рукопись 1629 г. «Поучения от евангелия» с владельческой записью (ГПБ, Софийское собр., № 1312). Совместно с Федором Поликарповым в 1695 г. поднес патриарху Адриану стихотворное приветствие («Приветства, стихосочиненная на рождество по плоти Господа нашего Иисуса Христа» — БАН, 16.14.24, л. 507—517 об., с подписями-автографами). Текст приветствия не публиковался; кроме названного читался в недошедшем до нас сборнике (собр. Толстого, отд. II, № 220, л. 486). В 1712 г. Г. участвовал в правке печатной Библии 1663 г. для ее переиздания (ГИМ, Синодальное собр., № 4—11), здесь он назван справщиком.

Лит.: Строев. Словарь. С. 237; Филарет. Обзор. С. 63; Азбучный указатель имен русских деятелей для составления «Биографического словаря». СПб., 1887. Ч. 1: А—Л. С. 164. (Сб. Рус. ист. о-ва. Т. 60); Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899; Соболевский И. Переводная литература. С. 121, 287, 351, 355; Исторические сборники XV—XVII вв. (Описание РО БАН СССР). М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2. С. 267; Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 21.

О. А. Белоброва

Голосов Лукьян Тимофеевич (1620-е—раньше самого конца 1682) — поэт. Отец его, скончавшийся на службе в Астрахани либо в последние дни 1646 г., либо в начале 1647 г., был видным администратором: за «крымскую службу» (за успешное посольство в Крым вместе с Прокопием Соковниным) его в 1634 г. пожаловали из подьячих в дьяки, потом он ведал Галицкой и Владимирской четами, служил в приказах Литовских полоничных дел, Сыскном, Каменном, Печатном, «У вечного поминка», в Новгородской чети. Сын пошел по стопам отца и сделал очень хорошую карьеру. Начав в первой половине 40-х гг. с подьяческих должностей, Г. в 1653 г. уже дьяк Патриаршего разряда, где служит (с перерывами) около десяти лет. Затем он — в Посольском приказе (с 1667 г. думный дьяк), ведает Галицкой и Владимирской четами, Малороссийским приказом и др. Г. выполнял ответственные поручения, дважды был в составе полномочных посольств в Польшу (в 1674 г. с боярином кн. *Н. И. Одоевским*, в 1678 г. с боярином И. В. Бутурлиным). Согласно переписным книгам 1677—1678 гг. за Г. числилось 70 дворов в Московском уезде, в Алексине, на Белоозере, во Владимире, в Белеве. К 1682 г. Г. дослужился до чина думного дворянина и сыграл заметную роль в бурных событиях этого года. Летом стрельцы, переименовавшие себя в «надворную пехоту», фактически владели Москвой. 20 августа царевна *Софья Алексеевна* с царями Иваном и Петром, со всем двором уехала из столицы. Из монастыря Саввы-Сторожевского были разсланы грамоты с указом о сборе ратных людей (т. е. дворянского ополчения) для борьбы с «изменниками». 17 сентября в селе Воздвиженском казнили князя *И. А. Хованского* с сыном и тремя с лишком десятками выборных стрельцов, «выманенных» из Москвы. Но исход борьбы оставался неясным. Правительство, укrywшееся 18 сентября в Троице-Сергиевом монастыре, через гонцов сносилось с еще не покорившимися стрельцами. 20 сентября Г. был послан с грамотами патриарху *Иоакиму* (он оставался в столице)

и всем стрелецким полкам «и их, служивых, уговаривал. И в грамотах им писано, чтоб они великим государем служили верно и от смятения престали и сполохов и страхования в царствующем граде не чинили, и что князь Иван да князь Андрей Хованские за измену казнены, а тое не вступалися. . . А служивым . . . государскаго гнева и опалы не было, и были б без смущения на их царскую милость надежны, а для челобитья дел своих, кому надобно, шли бы в поход» (к Троице) («Созерцание краткое лет 7190 и 191 и 92, в ниже что содеяся во гражданстве»). Ясно, что Г. не только пользовался доверием правительства, но и был популярным в Москве человеком.

С Москвой связана вся его жизнь. По семейным связям Г. принадлежал к интеллигентной столичной верхушке. Из следственного дела 1650 г. мы узнаем о культурной ориентации Г. В деле была «замешана» московская учащаяся молодежь: Г. (тогда он назывался «Лучкой»), Степан Алябьев, Иван Засецкий, дьячок Благовещенского собора Костка Иванов. В этом кружке шли толки о Ф. М. Ртищеве, только что пригласившем из Киева *Епифания Славеницкого* и *Арсения Корецкого-Сатановского* и построившем для них Андреевский монастырь в своем имении на Воробьевых горах. Молодежь была недовольна тем, что Ф. М. Ртищев «учится греческой грамоте, а в той грамоте еретичество есть». Алябьев показал на допросе, что когда в Москве жил пресловутый *Арсений Грек*, он, Степан, хотел было у него поучиться латыни, а как этого ренегата сослали на Соловки, он, Степан, учиться перестал и азбуку изодрал, потому что начали ему говорить его родные да Лучка Голосов с Иваншкой Засецким: «Перестань учиться по-латыни, дурно это, а какое дурно, того не сказали». Из дела ясно, что Ф. М. Ртищев подыскивал учеников для киевлян, живущих в Андреевском монастыре; это были почти сплошь подьячие (традиция делать подьячих студентами сохранилась и позднее — ведь в Заиконоспаской школе *Симеона Полоцкого* слушали курс подьячие Приказа тайных дел, собственной канцелярии государя). Г., конечно, понимал, что приглашение Ф. М. Ртищева — это в сущности приказ, но все-таки пытался сопротивляться. Г. говорил дьячку Константину Иванову: «Извести-де протопопу, что-де он, Лучка, у киевских чернецов учиться не хочет, старцы-де не добрые, он-де в них добра не познал, и добраго ученья у них нет; ныне-де он манит Федору Ртищеву, боясь его, а впредь-де учиться никак не хочу. Поехал-де учиться (в Киев. — *А. П.*) Порфирко Зеркальников, да Иван Озеров, а грамоту-де проезжую Федор (Ртищев. — *А. П.*) промыслил доучиваться у старцев у киевлян по-латыни». Не названный по имени протопоп, чьей поддержкой пытался заручиться Г., — это протопоп Благовещенского собора и царский духовник *Стефан Воиофатьев*, глава «боголюбцев», «ревнителей древлего благочестия».

Из последующей биографии Г. ясно, что он не был невеждой и обскурантом (как можно было бы заключить из следственного дела). Значит, Г. примыкал к «боголюбцам» — к *Авакуму*, жившему тогда в столице, *Ивану Неронову* и др. Но это было, так сказать, «культурное сочувствие» — без стойкости, без религиозной убежденности. Недаром после того как *Никон* стал патриархом, мы находим подле него Г. Он пишет за патриарха грамоты, и очень важные (ср. «утешительную» грамоту от 1 декабря 1657 г. валашскому воеводе Стефану по поводу убийства турками константинопольского патриарха и нескольких греческих архиереев, а также о позволении Газскому митрополиту Паисию Лигариду приехать в Россию, с просьбой оказать ему вспоможение; на грамоте, данной в подлиннике 10 мая 1656 г., скрепа: «диак Лукьян Голосов»). Близость к Никону означала и близость к «нехаям», киевским старцам, ибо Епифаний Славинецкий был в сущности тем человеком, который проводил правку богослужебных книг. Но и близость к патриарху была относительной: когда в 1658 г. *Никон* самовольно оставил патриарший престол, Г. не пострадал. Его перевели в Мастерскую палату, т. е. «поближе» к царю и его семейству,

которых Мастерская палата непосредственно обслуживала. К этому времени за Г., видимо, уже прочно утвердилась репутация грамотея. 21 декабря 1662 г. ему (с другими лицами) «государь указал сидеть в патриархове деле и выписывать из правил», т. е. составить записку касательно сложного и канонически неясного положения русской церкви, которая осталась без окормления (хотя Никон, сложивший с себя полномочия, и не отказался от патриаршего сана). Создается впечатление, что Г. предпочитал плыть по течению. Его симпатии принадлежали тем, кто был в данный момент у власти: сначала протопопу Стефану Воинову, потом Никону и Епифанию Славинецкому, потом царю и настроенному против поверженного Никона царскому окружению. При царе *Феодоре Алексеевиче* и во время правления Софьи Г. держал их сторону, а значит, сторону «латинствующих», Симеона Полоцкого и *Сильвестра Медведева*. (Может быть, Г. соприкасался какое-то время и с новоиерусалимскими поэтами. В переписной книге Московского уезда 1678 г. указано: «А что к Воскресенскому ж монастырю, по указу блаженные памяти великого государя и по изложению святейших патриархов дано вотчин, великаго государя жалованья, и купленных сел и деревень, и какие в них люди живут: под Воскресенским монастырем слободка Служня на реке Истре, что бывала деревня Реткина, а куплена у думнаго дьяка Лукьяна Голосова». Сделка эта состоялась около 1667 г., к которому отсылают слова «по указу блаженные памяти великаго государя и по изложению святейших патриархов», т. е. приехавших в Москву судить Никона вселенских патриархов.)

К 1682 г. относятся «Диалоги о премудрости воплощения сына божия», поднесенные Г. царевне Софье. Судя по рукописи, это обширное силлабическое произведение исполнялось во время рождественских праздников. По композиции оно было типичным для жанра диалога и распределялось между двенадцатью «отроками» (видимо, учениками Заиконоспасской школы, которой ведал Сильвестр Медведев, или между малыми певцами, «недоростками» церковного хора). Из «Диалогов о премудрости воплощения сына божия» очевидно, что Г. хорошо усвоил и силлабическую версификацию, и основные правила риторики. Диалог занимал большое место в структуре барочного школьного театра. В XVII в. его часто смешивали с декламацией, хотя в его основе лежал спор, словесный конфликт, в то время как декламация была распространенным описанием. В диалоге в большей степени, нежели в декламации, присутствовали элементы театральности, хотя диалог не имел строго описанных сценических норм, не нуждался в особом поэтическом вымысле, и по мнению театральных деятелей, произносился, а не разыгрывался. Как правило, исполнявшие диалог «строки» не наряжались в театральные костюмы.

После 1682 г. Г. сходит со сцены.

Соч.: Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени // ПДЦ. СПб., 1888. Т. 128. С. 41—68.

Лит.: «Созерцание краткое лет 7190—92» Сильвестра Медведева: По списку Григоровическому. Киев, 1895. С. 126; Дело о патриархе Никоне / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 429, № 117; Каптерев Н. Ф. 1) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 73; 2) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад, 1913. С. 145; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 106—107; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 288, 301, 303; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 110—111, 211; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 123—124.

А. М. Панченко

Горчак Стефан Стефанович (первая половина XVII в.) — священник, поэт, один из первых по времени участников «приказной школы». Известны написанные им в Москве стихотворные эпистоли: иеромонаху Федору Кузьмичу (относится, видимо, к самому началу 1630-х гг., во вся-

ком случае до смерти патриарха *Филарета*, т. е. до 1 октября 1633 г.), иноку-справщику *Арсению Глухому* (видимо, 1636—1637 гг.), некоему старцу Венедикту (1630-е гг.).

Из посланий ясно, что Г. входил в ближайшее окружение Филарета, который привлек его к реорганизации Книжной справы, когда патриарх решил резко активизировать работу Печатного двора (между 1630 и 1640 гг. было выпущено в полтора с лишком раза больше изданий, нежели в предыдущее десятилетие). Г. звал живущего в Казани образованного Федора Кузьмича в Москву:

Сопребываем же ныне с преждереченным твоим другом вкупе,
желаем же тя паки видети с собою во едином в купе
у государева дела, у книжнаго правления,
чтобы нам единодушно быти у его царскаго повеления.
И аще всемилостливый бог благоволит
и великий государь и отец его великий святитель повелит,
чаем, что желанная сия нами збудутся. . .

Этот вызов мог быть сделан только близким Филарету человеком, «Преждереченный друг», — очевидно, Арсений Глухой, тоже высоко ценивший казанского «доброразумного мужа»:

Сказа же нам про тебе содружебник твой, тезоименит доблести,
ты бо издавна его знаеш в велицей добрей бодрости,
ему же нелепо и просто нарекование замарай. . .

Арсений — «доблестный», Глухой — действительно «нелепо и просто нарекование». Из эпистолии Арсению Глухому видно, что Г. связывали с ним личная дружба и общие литературные интересы (коззи «ненавистников» заставили адресата уехать из столицы в какую-то дальнюю обитель, где его собирался навестить Г.).

Позиция Г., как и пристало сотруднику Филарета и сподвижнику Арсения Глухого, питомца *Дионисия Зобинского*, — консервативно-просветительская позиция. Эта группировка, заботившаяся об автономии московской интеллигенции, усердно трудившаяся на поприще книгопечатания, культивировавшая новую для России книжную поэзию, в то же время помнила заветы *Максима Грека* и противилась культурным контактам с Западом. По старой традиции Г. именует свое творчество «плетением»: «О том себе на нас не позазри, что тако тебе плетем» (Федору Кузьмичу); «И моли тя, да не зазриши сему нашему плетению» (Арсению Глухому) (ср.: М а т х а у з е р о в а С. «Слагати» или «ткати»? (Спор о поэзии в XVII в.) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 195—200).

Поэтическая техника Г. — та же, что у других авторов «приказной школы». Его «двоестрочные согласия» находятся в рамках «относительного силлабизма». Он пользуется прозаическим акростихом (эпистолии Федору Кузьмичу и Венедикту) и парной рифмой (мужской, женской, дактилической) суффиксально-флексивного типа (впрочем, есть исключения: держи—вожи; человек—рэк (род. п. от «река»); нўжа—досўжа; кнїги—верїги; Арсєнию—разумєнию; ббжию—поднбжию).

Соч.: Голубев И. Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 391—413 (послание Арсению Глухому без атрибуции Г.); Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 38—39, 49—50, 68—71, 77, 244—245 (эпистолия Федору Кузьмичу и выдержки из эпистолии старцу Венедикту).

А. М. Панченко

Грамотин Иван Тарасевич, сын Курбатов (во иночестве Иоиль) (ум. 23 IX 1638) — печатник, думный дьяк, автор одной из редакций *Сказания о битве новгородцев с суздальцами*. Жизнь Г. неразрывно связана

со службой в московских приказах. Родившись в семье дьяка и начав службу подьячим, он в 1595 и 1599 гг. ездил с посольством к императору. В 1603 г. стал дьяком Поместного приказа. Находясь в войске, направленном в 1604 г. в северские города против Самозванца, перешел на сторону Лжедмитрия, который пожаловал его думным дьяком. При Василии Шуйском служил дьяком в Пскове (1606—1608), а после его падения перешел на службу к полякам, которые сделали его печатником и поставили во главе Посольского и Поместного приказов. В избирательной грамоте царя *Михаила Федоровича* Г. назван изменником, но к 1618 г. смог оправдаться и до 1626 г. служил думным дьяком в приказах Посольском и Новгородской чети. В 1626 г. попал в опалу за то, что «будучи, у государева дела . . . указа не слушал, делал их дела без их, государева, указа самовольством и их, государей, своим самовольством и упрямством прогневал. . .». Только после смерти патриарха *Филарета* Г. вернулся в Москву, где в 1634 г. снова стал думным дьяком приказов Посольского и Новгородской чети, ведая ими до 1637 г. Перед смертью принял монашество в Троице-Сергиевой лавре, где и похоронен. Один из биографов Г. дал ему следующую характеристику: «Муж государственный, царедворец ловкий, пронырливый, обесславивший имя свое гнусною изменою и постыдным себялюбием» (Д. Н. Бантыш-Каменский). Еще в конце XIX в. существовал портрет Г., находившийся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел.

Написанная Г. — шестая по счету — редакция Сказания представлена пятью списками (перечень их см. в кн. Л. А. Дмитриева и в картотеке Н. К. Никольского — БАН). Разностороннюю характеристику работы Г. над Сказанием дал Л. А. Дмитриев. Как и другие варианты Сказания, редакция Г. помещается в сборниках житий под датой 27 ноября и озаглавлена «Воспоминание преславнаго чудесе, бывшаго от иконы пресвятыя владычицы нашеа Богородицы и преснодевы Марии в Великом Новеграде» (нач.: «Кто изглаголет силы Господни и слышаны сотворит все хвалы Его. . .»). После риторического вступления следует рассказ о чудесном знамении: «Во странах великаго Российскаго царствия бы некий град, зовомый Великий Новъград, преславен во всех градах Руския державы. . .». Принадлежащая перу Г. редакция Сказания характеризуется витиеватым даже выпрепным стилем, обилием подробностей при описаниях. Г. положительно оценивает «самовластие» Новгорода, чем отличается от автора той редакции Сказания, которая читается в Степенной книге. Согласно Л. А. Дмитриеву, Г. работал над текстом Сказания между 1634—1638 гг. Эта точка зрения основана на тонком анализе заглавия в некоторых списках, где Г. назван Тарасьевичем, а право писаться полным отчеством он получил в 1634 г. Сказание в редакции Г. остается неопубликованным.

Кроме Сказания перу Г. принадлежат два письма, написанных им в 1610 г. литовскому канцлеру Л. И. Сапеге. В первом письме, отправленном из Москвы в сентябре и подписанном «печатник великий монархии Московские», Г. сообщает Сапеге о принесении присяги королевичу Владиславу («. . . бояре и всех станов люди королевича Владислава Жигимонтовича обрали государем и крест целовали: сподевамыся вперед вшекого добра»); здесь же Г. уверяет своего адресата в верности ему: «Прошу вашей милости, розскаж ми себе, ваша милость, служити, а я борзо рад». Во втором письме, имеющем точную дату — 16 декабря, он сообщает об убийстве Самозванца в Калуге: «Про Калужского естъ новишы добрые, же его забито, о чем до короля его милости будут писать бояре. . .». Тон этого письма да и подпись («зычливый приятель и слуга») иные, чем в первом, так как Г. узнал об охлаждении к нему Сапеге, почему и спешит задобрить его посылкой подарка: «Сказал мне слуга мой, же вапей милости надобно кожух горпостайной: послал до вашей милости с паном Чичериным рачь, ваша милость, малый упоминок приняти, а я много челом бью».

В письмах Г. много полонизмов, по стилю они разительно отличаются от Сказания, что объясняется прежде всего разностью жанров этих произведений.

Соч.: АИ. СПб., 1841. Т. 2: 1598—1613 гг. № 300. С. 357; № 308. С. 365—366.
Лит.: Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. СПб., 1847. Ч. 2. С. 153—156; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5 (т. 9—10); Пуцилло М. П. Думный дьяк Иван Тарасевич Грамотин (1606—1638) // Древняя и новая Россия: Ежемесячный исторический иллюстрированный сборник. СПб., 1878. № 6. С. 123—126; Московский главный архив Министерства иностранных дел: Портреты и картины, хранящиеся в нем. М., 1899. Вып. 1; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 98, 99, 111, 141, 142, 284; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 129—131.

В. К. Зиборова

Григорий Яковлев (в старообрядческом крещении Харитоний) (1703—1756?) — старообрядец-поморец, автор «Извещения праведного о расколе беспоповщины». Г. Я., выходец из Новгорода, правнук архимандрита Юрьева монастыря Иова Бухвостова, воспитанник Выговского старообрядческого общежительства. В 1713 г. родители Г. Я. пришли в Выговское общежительство. В общежительстве Г. Я. исполнял должность псаломщика, канонархиста, головщика. Грамматике и риторике учился у *Трифона Петрова*. Занимался также иконописанием. В Выговском монастыре прожил около 20 лет. Затем переселился в один из скитов общежительства — Сергиев, где правил службу в часовне. В скиту произносил по праздникам проповеди, посещал с проповедями другие скиты. Перед началом правительственного следствия, ведшегося комиссией Квашнина-Самарина, Г. Я. покинул Выг. Он побывал у старообрядцев Новгорода, Старой Руссы, ездил в Польшу, Лифляндию и Курляндию, затем поселился в Москве, где проповедовал учение поморцев среди старообрядцев федосеевского толка. Из Москвы Г. Я. вернулся на Выг, но пробыл здесь недолго; в 1748 г. он порвал со старообрядчеством и присоединился к официальной церкви, написав перед этим свое сочинение — донос на старообрядцев — «Извещение праведное о расколе беспоповщины» («Испытание о раскольнических мнениях и испытание о единой соборной и православной церкви, вкупе и извещение праведное о расколе беспоповщины, в лето 1748-е, нелицемерное мое и чистое пред господом богом, многогрешнаго Григория Яковлева сына»). О жизни Г. Я. после присоединения к официальной церкви нет сведений. Известно только, что он был пострижен в архимандриты монастыря святого Даниила в Переславле-Залесском. По предположению Н. И. Субботина архимандрит Гермоген, поступивший в 1755 г. в настоятели Переславль-Залесского монастыря, и есть Г. Я. Архимандрит Гермоген скончался в 1756 г. в Воскресенском монастыре.

Сочинения, написанные Г. Я.-старообрядцем не дошли до нас. Павел Любопытный, старообрядческий библиограф начала XIX в., в присутствии ему витиеватом и туманном стиле называет 5 таких сочинений (см. кн. В. Г. Дружинина). Сам Г. Я. в своем доносе Синоду писал, что, живя в Выговском общежительстве, он сочинил «псалмы две . . . похвальные о лжеучителях Андрее и Даниле, и распустил в народ».

«Извещение праведное о расколе беспоповщины» — единственное дошедшее до нас сочинение Г. Я. Здесь излагается история поморского толка старообрядцев, даны подробные сведения об отдельных выговских деятелях, их сочинениях, библиотеке, высказаны соображения о способах искоренения «раскола». Для историка старообрядчества сочинение Г. Я. — ценнейший источник.

Соч.: Бывшего беспоповца Григория Яковлева Извещение праведное о расколе беспоповщины / Изд. Н. Субботиним. М., 1888 (отд. оттиск из № 3—18 журн. «Братское слово» за 1888 г.).

Лит.: Дружинин. Писания старообрядцев. С. 268—269.

Н. В. Понырко

Гумбертов Менаандр (ок. 1665—после 1727) — болгарский богослов, автор «Манифеста с прошением» (1726) и адресат старообрядческих ответов на его 13 вопросов (1727). Г. — уроженец «бывшаго столичнаго града земли болгарской Тернова», в 1673 г. отдан родителями «в школу в научение грамоты», где изучил «слоги» и, по его словам, «прочих свободных наук отчасти коснухся». Около 1698 г., уже после смерти родителей, Г. решает заняться поисками истинной веры, так как видит «многшее неустроение в обрядах церковных». Он совершает путешествие в Рим, в Грецию (в том числе в Константинополь), в Россию (в Киев и в Москву), где знакомится с обрядами, беседует с богословами, изучает книги, однако везде встречает церковные раздоры и «несогласие в керимониях» и в догматах. Возвращаясь в 1726 г. из России на родину, Г. вступает в контакт со старообрядцами и передает им свой «Манифест с прошением», где излагает причины своих скитаний и перечисляет вопросы о вере. Ответы на его вопросы составлены, судя по косвенным признакам, польскими федосеевцами (на это, в частности указывают: 1) беспоповская тенденция ответов; 2) неоднократное подчеркивание вынужденного «чужестранствия» их авторов; 3) категоричное отстаивание написания имени Христа на «титле пилатовой» в форме «ІНЦІ», характерное для федосеевцев; 4) обширное цитирование новгородских и псковских материалов, книг украинской и литовской печати, использование «Хроники Мацея Стрыйковского, фактов из польской и литовской истории и др.). Основным источником для их составления послужили знаменитые «Поморские ответы», включая дословно переписанные в ответах Г. статьи, посвященные разоблачению антистарообрядческих подлогов, — «Сборное деяние на еретика Мартина» и «Требник митрополита Феогноста».

В XVIII—XIX вв. данный памятник старообрядческой полемической литературы неоднократно переписывался, но издан не был; в рукописной традиции известны следующие его списки: 1) ГПБ, собр. Погодина, № 1257; 2) БАН, собр. Дружинина, № 12; 3) ИРЛИ, Новгородско-Псковское собр., № 2; 4) ГПБ, собр. Вяземского, О. XIV; 5) Уральский гос. ун-т, Нижнетагильское собр., № 88р/239; 6) ГВЛ, собр. Рогожского кладбища, № 832; 7) ГИМ, собр. Уварова, № 482.

Лит.: Л е о н и д. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 568—569; Описание рукописей князя Павла Петровича Вяземского. СПб., 1902. С. 503—504; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 86; П а н ч е н к о А. М. Рукописные книги Локвианского и Чихачевского районов Псковской области // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 559; Б у д о в н и ц. Словарь. С. 57, 164; Ш а ш к о в А. Т. Максим Грек в старообрядческой рукописной традиции XVIII в. Урала, Поморья и Сибири // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. XVIII—начало XX века. Свердловск, 1979. С. 34—35; И в а н о в а К. Български, сръбски и молдово-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981. С. 473—474.

А. Т. Шашков

Даниил Викулин (1653—1733) — основатель Выго-Лексинского старообрядческого общежития, автор духовного завещания и прощального слова. Именем Д. В. называли толк старообрядцев-беспоповцев, ведущий свое начало из Выговского монастыря, — данилов, даниловщина (он же: поморское согласие). Первые 29 лет своей жизни Д. В. провел в Новгороде и в селе Шунгском, расположенном вблизи г. Олошца. Здесь он исполнял службу церковного дьячка. Очевидно, Д. В. стал учить народ старой вере еще будучи дьячком церкви Шунгского погоста. Когда в 80-х гг. XVII в. разгорелось преследование старообрядцев в Новгородской митрополии, Д. В. попал под гонение. Была снаряжена команда из духовных лиц, чиновников и солдат для сыска в Олошских пределах соловецких старцев и дьячка Шунгского погоста Д. В., «сеющих раскол» среди населения. Д. В. вынужден был покинуть дом и начать скитальческую жизнь «в пустынях» близ Белого моря и Онежского озера. Укрываясь в лесах,

он близко сошелся с такими видными представителями раннего старообрядчества, как дьякон *Игнатий Соловецкий*, дьякон Пимен, с иноками Корнилием Выговским, Кириллом Сунарецким, игуменом Досифеем. Историк Выговского монастыря, *Иван Филиппов* называет Д. В. «учеником и сообщником» игумена Досифея, его духовным сыном. В эту пору своей жизни Д. В. был сторонником и, очевидно, проповедником самоосожжений и самоистреблений. В 1691 г. инок *Еефросин*, полемизируя против «самоубийственных смертей», обращался к Д. В.: «И ты, су, Данило, Шунгской шумитель, полно шуметь и развратно учить, чтоб тебе, бедному, за неправое то учение вечно не гореть» (Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самоосожжений 1691 года / Сообщ. Х. Лопарева. СПб., 1895. С. 46 (ПДП; Т. 108)). Известное послание уставщика выговского общежительства *Петра Прокофьева*, в котором одобряются самоубийства «по нужде», было написано по поручению Д. В. (см. кн. П. С. Смирнова). Иван Филиппов сообщил, что Д. В. был духовным сыном Игнатия Соловецкого, организатора, вдохновителя и участника «гари» в Палеоостровском монастыре. После самоосожжения Игнатия Д. В. около 10 лет скитался «в пустыне», сначала у Белого моря, потом у р. Выг, «в малом общежительстве живя». Вокруг него образовался небольшой коллектив, представляющий определенную силу. Когда один из приверженцев этого коллектива, старец Питирим, был арестован и направлен под конвоем в Олонец, Д. В. послал пятерых своих «смелых и скорых ногами человек», которые отбили старца. В это время Д. В. вывез «в пустыню» свою сестру вместе с мужем и детьми.

В 1694 г. Д. В. вместе с *Андреем Денисовым* основал на р. Выг из своих приверженцев и сообщников общежительство, которое в течение его долгой жизни развилось в крупнейший культурный центр русского старообрядчества. С самого начала и до конца своих дней Д. В. вместе с Андреем Денисовым стоял во главе Выговского общежительства. Активный, деятельный и талантливый Андрей Денисов преобладал в руководстве, но за Д. В. всегда оставался духовный авторитет. Монастырский собор закрепил за Андреем Денисовым звание настоятеля. Но Д. В. всю жизнь был при нем вторым настоятелем общежительства. Когда в 1730 г. умер Андрей Денисов и его преемником стал *Семен Денисов*, это происходило с благословения и повеления Д. В. И при Семене Денисове вплоть до своей смерти в 1733 г. Д. В. был как бы вторым настоятелем. История Выговской пустыни именует скончавшегося Д. В., как и братьев Денисовых, киновиархом. Кроме сказанного из биографических фактов о Д. В. известны следующие: он имел дочь Анастасию, проживавшую в Выго-Лексинском общежительстве; примерно около 1719 г. он подвергся аресту на Петровских заводах в связи с намечавшимся правительственным розыском по Выговскому общежительству. Старообрядцы при содействии начальника Петровских заводов Геннинга свели розыск на нет и добились указа об освобождении Д. В. В общежительстве Д. В. имел много духовных детей (см.: История Выговской старообрядческой пустыни / Изд. по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. С. 35—44, 84—87, 95—98, 152—156, 207, 250—257).

Так же как в настоятельской деятельности, Д. В. уступал бойким братьям и в литературной сфере. Из-под его пера вышли два деловых послания на Лексу о «неполезных дружбах» между постниками, духовное завещание и предсмертное прощальное слово. В духовном завещании и прощальном слове Д. В. вполне отразилась многовековая традиция духовных завещаний. Сочинения Д. В. не издавались. Перечень его сочинений и их списков см. в кн. В. Г. Дружинина.

Лит.: Пыпина А. Н. Сводный старообрядческий синодик: Второе издание синодика по четырём рукописям XVIII—XIX вв. А. Н. Пыпина. СПб., 1883. С. 30, 40 (изд. ПДПИ); Резневский В. И. К истории поморского согласия: 1. Лек-

синский летописец // *Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола* / Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. С. 276—277; Смирнов П. С. 1) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 359—362, 081—086; 2) Лексинская беспоповичинская пустынь в первое время ее существования // *Христ. чт.* 1910. Март. С. 315—318; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 74—77.

Н. В. Поньрко

Даниил Матвеев (1687—1776) — выговский писатель и иконописец, принадлежал к верхушке, управлявшей Выговским старообрядческим монастырем. Родом из г. Каргополя, сын иконописца. Выгорецкий летописец сообщает, что Д. М. «в пустыни поживе 74 лета» (Бывшего беспоповца . . . Извещение. . . Приложение. С. 154), а это значит, что он пришел в общежитие в возрасте 15 лет. По словам бывшего выговского общежителя, присоединившегося к официальной церкви, *Григория Яковлева*, иконы письма Д. М. имелись во всех выговских часовнях. Грамматике и риторике Д. М. учился у *Андрея* и *Семена Денисовых*. Он участвовал в составлении «Поморских ответов» и в диспуте с иеромонахом Неофитом (см. статью *Андрей Денисов*). В 1739—1744 гг. во время правительственного следствия над Выговским общежитием ездил в Петербург с челобитьем к императрице Елизавете Петровне.

Д. М. является автором нескольких посланий; обширного сочинения, направленного против антистарообрядческих «Скрижали», «Жезла правления» *Симеона Полоцкого* и «Увета духовного» *Афанасия Холмогорского*; полемического ответа главе старообрядцев федосеевского толка *Илье Ковылину* по поводу невозможности браков в старообрядчестве. Ему принадлежат также несколько надгробных слов, написанных по правилам изучавшейся на Выгу риторике: надгробное слово, посвященное *Даниилу Викулину*, на текст «Дажь нам помощь от печали», надгробное слово, посвященное *Семену Денисову*, на текст «Кто есть человек иже поживет и не узрит смерти» и торжественное слово, обращенное к *Семену Денисову* в день его кончины, «Келейное и последнее отцеви присноглаголася приветствие». Сочинения Д. М. не опубликованы. Перечень сочинений и их списков см. в кн. В. Г. Дружинина.

Лит.: История Выговской старообрядческой пустыни / Изд. по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. С. 151, 216, 383, 397, 408, 416, 417, 454, 458, 472; Сводный старообрядческий синодик: Второе издание синодика по четырем рукописям XVIII—XIX вв. А. Н. Пыпина. СПб., 1883. С. 31; Бывшего беспоповца *Григория Яковлева* Извещение праведное о расколе беспоповичины / Изд. Н. Субботиним. М., 1888. С. 84—86, 110—111; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 200—205.

Н. В. Поньрко

Даудов Василий Александрович (ум. ок. 1701) — перс, принявший православие в Москве около 1656 г. (до крещения его называли на Руси «Алимарцан Бабаев сын»), автор статейных списков. Д. был вывезен из Персии московским посольством. В Москве Д. сначала служил толмачом в Посольском приказе: он владел персидским, турецким, татарским и, по-видимому, русским и армянским языками. Затем Д. стал возглавлять посольства. Так, он совершил ряд дипломатических поездок в Константинополь (в 1667, 1669, 1672, 1679 и 1696 гг.). Совместно с М. Ю. Касимовым Д. выехал с посольством в Бухару и Хиву (1675). Выезжал он и в города Терки (1690), Азов (1696). Неоднократно Д. вывозил из иностранных государств пленных русских (из Турции, Хивы, Бухары). По возвращении из посольств Д. представлял в Москве статейные списки, составлявшиеся им совместно с подьячим (например, о поездке в Константинополь в 1672 г. с подьячим *Никифором Венюковым*). Некоторые статейные списки не сохранились в полном составе (например, о поездке в Хиву и Бухару в 1675—1678 гг.). Известно жизнеописание Д., дошедшее в списке XVIII в. под названием «Выезд из Персии и службы стольника *Василья Александровича*

вича Даудова). Повествование ведется в третьем лице. Описан приезд в Москву, крещение, перечислены основные этапы службы в послах, названы маршруты и даты посольств, приведены имена их участников, описаны нелегкие обстоятельства посольских выездов: «... и живот свой мучили шесть недель», «... и азовские янычары... хотели... их, Василья и Никифора, бить до смерти...», «... великия жары были, а девять ден воды не показали». Вывезенные из неволи русские пленники названы по именам и по их географической принадлежности: «Ростовского уезду села Великого», «московского стрельца», «рязанца» и др. Из документов известно, что наряду с посольской службой Д. периодически выполнял и административные обязанности: в 1674 г. он был воеводой в Яренске, в 1680 г. — в Чаронде, в 1688 г. — в Скопине. Участвовал Д. и в военных походах — Троицком (1683 г.) и Крымском (1687 г.).

Соч.: Д. Л. Автобиография В. А. Даудова // РА. 1899. Кн. 2. С. 1—20; Г у х м а н С. Н. «Выезд из службы из Персии стольника Василья Александровича Даудова» — литературный памятник конца XVII века // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 374—388.

Лит.: С е л и ф о н т о в Н. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василья Александровича // ЛЗАК. СПб., 1871. Вып. 5. С. 1—196; Л е б е д е в Д. М. География в России XVII века. М.; Л., 1949. С. 111—112.

О. А. Белоброва

Джемс Ричард (род. ок. 1592) — англичанин, находившийся в России (Архангельске, Холмогорах, Москве) в 1618—1619 гг. и составивший «Русско-английский словарь-дневник» (автограф в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде), к которому присоединена запись шести русских песен на русском языке. До приезда в Россию Д. окончил Оксфордский университет (1614 г.), принял сан священника, посетил Уэльс, Шотландию и др., был в Гренландии; составил англо-саксонский и саксонско-латинский словари. Сделанные им транскрибированные по-английски записи русских слов свидетельствуют о владении латынью и греческим, немецким, французским, голландским, испанским языками (это подтверждается современниками Д.). По возвращении из России Д. прославился в Англии как археолог, поэт и критик, ученый-филолог. Открытие записной книжки — «Русско-английского словаря-дневника» Д. — было сделано И. Х. Гамелем (см.: Tradescant der altere 1618 in Russland. . . Geschichtliche Beitrage, mitgethellt von Dr. J. Hamel. St. Petersburg, 1847). Филологическое изучение словаря-дневника Д. началось еще в XIX в. (Ф. И. Буслаев, Л. Н. Майков) с песен, записанных в конце рукописи и впервые опубликованных П. К. Симоном в 1907 г. Как показало исследование Б. А. Ларина (1959 г.), словарь-дневник содержит ценный материал о русском и английском разговорных языках, о быте и нравах торгово-ремесленной среды Русского Севера первой четверти XVII в. Записи песен сохранили образцы исторического и лирического жанров. О происхождении и месте этих песен в истории русского фольклора высказаны принципиально различные суждения: П. К. Симоном вслед за Ф. И. Буслаевым, Н. С. Тихомировым Л. Н. Майковым считал их народными, т. е. принадлежащими крестьянскому устно-поэтическому творчеству. В. В. Данилов (1935) выдвинул взгляд на песни Джемсова сборника как на произведения авторские, возникшие в городской приказной среде Москвы первых двух десятилетий XVII в. Он предложил также конкретную датировку песен: например, в песне о походе крымцев речь идет, по его мнению, о походе на Москву 1598, а не 1572 г., как считалось ранее; две песни о *Ксении Годуновой* В. В. Данилов отнес вслед за Вс. Миллером ко времени перезахоронения гробов Годуновых в Троице-Сергиевом монастыре в 1606 г.; песню о смерти М. В. Скопина-Шуйского связал с «семибоярщиной» в 1611 г., песню о возвращении из польского плена митрополита *Филарета*

датировал 1619 г., а песню «Бережечик зыблется» приписал книжным людям эпохи Смуты. Этот взгляд на песни, записанные для Д., утвердился на долгие годы. В 1958 г. Л. С. Шептаев выступил с аргументированными соображениями об устно-поэтической природе трех из шести песен сборника Д. («Бережочек зыблется» и две песни о Ксении Годуновой). Русское наследие Д. почти не учтено в английской литературе о нем.

Соч. (записи): Гамель И. Х. Великорусские песни: из записок бакалавра Ричарда Джемса. 1619—1620 г. // ИпоРЯС. СПб., 1852. Т. 1. Прибавления. Стб. 5—10; Симои П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем Севере Московского царства. СПб., 1907; Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959 (с фототипическим изданием); Демократическая поэзия XVII века. М.; Л., 1962. С. 23—25 (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.); Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. // ПЛДР: Конец XVI—начало XVII в. М., 1987. С. 536—540, 615—616.

Лит.: Буслев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 529; Майков Л. Н. О старинных рукописных сборниках народных песен и былин // ЖМНП. 1880. Ч. 212. С. 196—216; Милер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пгр., 1915. С. 627—629; Данилов В. В. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашина // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 165—180; Адрианова-Перетц В. П. Народное творчество начала XVII в. // Русское народное поэтическое творчество. М., 1953. Т. 1. С. 371—372; Шептаев Л. С. Заметки о песнях, записанных для Ричарда Джемса // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 304—308.

О. А. Белоброва

Дикенсон Андрей (конец XVII в.) — «иноземец», переводчик дидактико-эмблематического сборника, составленного испанским писателем Диего да Сааведра Фахардо (1584—1648) и выдержавшего несколько изданий. А. И. Соболевский считал, что в основе древнерусского перевода лежало амстердамское посмертное издание 1659 г. с гравюрами: *Idea principis christiano-politici 101 symbolis expressa a Didaco Saavedra Faxardo (Amstelodami; 1659)*. М. П. Алексеев уточнил оригинал перевода, указав более раннее немецкое издание также с гравюрами: *Abriss eines christlichen Politischen Printzens in 100 Sinnbildern zuvor auss dem spanischen und Lateinischen nun ins Deutsche versetzt*. In Amsterdam bei Joh. Janssonin dem Jüngerem, 1655. Перевод Д. охватывает первые 8 символов. Он известен в двух списках конца XVII в. (ГПБ, собр. ПДА, № 419) и начала XVIII в. (ГПБ, Q.II,36), озаглавлен: «Образец крестьянского политического князя. Сто един пример. Хорошие, сиречь добрые симбальские наречии. Писал сию книгу Дидако Сааведра Факсарду, шпанский рыцарь. Прежде сего шпанский язык, латинской и цесарской переведен на русский. А переводил перевотчик иноземец Андрей Дикенсон. Печатано в Амстердаме, у Егана Янсонуса младаго». Оба списка перевода сопровождаются рисунками — перерисовками гравюр. Труд Д. Сааведры Фахардо принадлежит литературе барокко и его перевод способствовал распространению в Московской Руси барочных эмблем с девизами. Перевод Д. не публиковался. В начале XVIII в. по заказу Петра I труд Сааведры Фахардо вновь переводился на русский язык Феофаном Прокоповичем (перевод, кроме предисловия, также не опубликован).

Лит.: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 214—216; Соболевский. Переводная литература. С. 161—162; Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 30—32; Морозов А. А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 184—226; Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 31—33.

О. А. Белоброва

Дионисий Зобнинский (в миру Давид) (ок. 1570—1633) — архимандрит Троице-Сергиева монастыря, автор (совместно с Авраамием

Палицыным) патриотических посланий в русские города периода борьбы против польско-литовской интервенции начала XVII в., участник сверки и исправления богослужебных книг. Источники биографии Д. З. — его *Житие*, составленное *Симоном Азарьиным*, *Сказание Авраамия Палицына* и *Записка Ивана Шевелина (Наседки)*.

Д. З. происходил из посадской среды, он родился в Ржеве, ребенком перевезен родителями в Старицу. Здесь он обучался грамоте у монахов *Гурия Ржевитина* и *Германа Тулунова* Стариченина. После женитьбы Д. З. стал священником в селе Никольском под Старицей; через 6 лет, после смерти жены и детей, он постригся в монахи в Успенском Старицком монастыре (ок. 1601—1602 гг.). Здесь Д. З. вскоре был назначен казначеем, а затем и архимандритом; отсюда он ездил в Москву за книгами. Около 1610 г. Д. З. стал архимандритом Троице-Сергиева монастыря — вскоре после снятия с него 16-месячной осады польско-литовских интервентов. Монастырским властям — архимандриту Д. З. и келарю Авраамию Палицыну — выпало немало забот по восстановлению разоренного хозяйства лавры, по перестройке крепостных стен и других строений. В тот же период, в 1610—1611 гг., от имени Д. З. и Авраамия Палицына составляются и рассылаются по городам грамоты с призывом идти на помощь Москве. Вместе с грамотами патриарха *Гермогена* троицкие послания сыграли немалую роль в идеологической подготовке второго земского ополчения, освободившего Москву от интервентов. Сохранились далеко не все послания Д. З.; о некоторых, наиболее ранних, только упоминается в *Сказании Авраамия Палицына*. В настоящее время известны списки трех посланий — от июня 1611 г., от октября 1611 г. и от апреля 1612 г.; все они опубликованы в XIX в.

В литературном отношении троицкие грамоты-послания Д. З. следуют традиции агитационных воззваний, рассчитанных на восприятие со слуха. Текст грамот Д. З. изобилует риторическими вопросами («где иноки . . . сединами цветущие, и инокини, добродетелями украшены, не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием?», «где народ общий христианский?» и т. д.), примерами из священной истории, подобранными с целью призвать к объединению ополченцев — защитников Москвы и т. п. В оценке троицких грамот и их роли среди исследователей еще в XIX в. не было полного единодушия. Взгляд на Д. З. как на оригинального писателя в советское время был предложен О. А. Державиной, предположившей, что он был автором первых шести глав *Сказания Авраамия Палицына* (эта точка зрения не принята в дальнейших исследованиях, например, в работах Я. Г. Солодкина).

Особое место в биографии Д. З. занимает работа по исправлению богослужебных книг (1616—1618) — *Требника*, *Цветной триоди*, *Октоиха*, *Общей* и *месячной миней*, *Псалтыри*, *Канонника*. Начатая по инициативе боярина Бориса Михайловича Салтыкова, эта работа, выполнявшаяся в Троицком монастыре, не была согласована с митрополитом Ионой, и по окончании ее Д. З. и его помощники были обвинены в ереси, их исправления (например, исключение слов «и огнем» из молитвы на освящение воды в навечерие богоявления) были осуждены на церковном соборе 1618 г. По решению собора Д. З. и его сотрудники были отлучены от церкви, Д. З. был назначен денежный штраф (500 р.) и высылка в Кирилло-Белозерский монастырь (замененная высылкой в Новоспасский монастырь). Благодаря вмешательству иерусалимского патриарха Феофана, приехавшего в 1619 г. в Москву, Д. З. был реабилитирован и возвращен в Троице-Сергиев монастырь, архимандритом которого он оставался до самой смерти. Биограф, он же бывший келейник Д. З., Симон Азарьин сообщил в *Житии*, что только при его настоятельстве в Троице-Сергиевом монастыре стали переписывать сочинения *Максима Грека*, тогда же была приведена в порядок могила писателя близ Духовской церкви. Вскоре после смерти Д. З. в Троицком монастыре и в Тверском крае возникло местное почитание

бывшего архимандрита, появились его иконописные изображения и миниатюры с его «портретом».

Соч.: СГГД. Т. 2. № 275; ААЭ. Т. 2. № 190, 202.

Лит.: К о я л о в и ч М. О. Дионисий, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря: (Исторический очерк) // Странник. 1862. С. 20—32; К е д р о в С. И. Авраамий Палицын // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. С. 71—76; С к в о р ц о в Д. Дионисий Зобнинский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне лавры). Тверь, 1890; Н и к о л ь с к и й Н. К. К истории наказаний писателей в XVII веке // Библиографическая летопись. 1914. Т. 1. С. 126—128; Д е р ж а в и н а О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 16—63; Б е л о б р о в а О. А. 1) Портретные изображения Дионисия Зобнинского // Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 175—180; 2) Автограф Дионисия Зобнинского // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 388—390; К а ш к а р о в Ю. Кто был автором первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына? // Науч. докл. высшей школы: Филол. науки. 1964. № 4. С. 109—117.

О. А. Белоброва

Дмитрий Ерофеев (первая половина XVIII в.) — старообрядец-выговец, составитель «Собрания вкратце о браке Андрея Феолога». Рукой Д. Е. писано несколько деловых бумаг, касающихся сношений Выговского общечуждательства с местным ландратом, одна из них датирована 1726 г. (см.: Д р у ж и н и н В. Г. Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915. С. 14, табл. XVI, XVII). Почерк Д. Е. встречается в черномов выговском сборнике упражнений по риторике, принадлежащем ученикам *Семена Денисова* и выполненном в 1725 г.: ГПБ, О. XVII. 51, л. 1—6 об., 42—45. Существует также выговский сборник сочинений по риторике, включающий в себя *Риторику Софрония Лихуда*, отрывки из *Риторики Раймунда Люллия* и *Козьмы Афоноверского*, переписчиком которого является Д. Е.: ГПБ, собр. Погодина, № 1659, первая четверть XVIII в.

«Собрание вкратце о браке» — не суть сочинение самого Д. Е. Это запись «словес» *Андрея Денисова*, высказанных на каком-то «совете», состоявшемся в 1712 г. В совете помимо Андрея Денисова участвовали следующие лица: Иван Акиндинов, *Михаил Вышатын* и некий Спиридон Иванович, «просветивший светом благочестия всю Украйну». Упоминание о Михаиле Вышатине как о путешественнике «до Иерусалима и до прочих Палестинских стран» позволяет датировать «Собрание» временем после 1732 г., когда Михаил Вышатын уже умер в Палестине. В этом сочинении решается характерный для старообрядческой полемики вопрос о том, как следует относиться к браку, если жених и невеста «разных вер», и выносятся следующий совет: «. . . сии суд и наказание по правилам воспримут». «Собрание вкратце о браке Андрея Феолога» не опубликовано. Списки его указаны в кн. В. Г. Дружинина.

Лит.: С м и р н о в П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 106, 256—257; Д р у ж и н и н. Писания старообрядцев. С. 88.

Н. В. Понырко

Долгов (Долгово) Петр Васильевич (ум. 1678) — подьячий, затем (с 1677 г.) дьяк Посольского и Малороссийского приказов, переводчик. С 1672 по 1674 гг. участвовал в «строении» (составлении) совместно с *Николаем Спафарием* книг исторического светского содержания. Среди них «Титулярник», «Книга избранная вкратце о девяти мусах и о седмих свободных художествах», «Хрисмологийон», «Книга о сивиллах», «Василиологийон». Мера участия Д. в «составлении» перечисленных книг точно никем не определена. Вероятнее всего, он помогал Спафарию в технике перевода (записывал с его слов?) с иноязычных источников на русский язык, которым Спафарий в первые годы пребывания на Руси владел слабо. Воз-

можно также, что Д. принимал участие в составлении статейного списка посольства в Персию в 1675—1676 гг. князя Бориса Мышецкого, которого он сопровождал (статейный список не опубликован). Сохранился рукописный сборник сочинений и переводов Николая Спафария с дорожными записями, сделанными Д. во время этого посольства (ГБЛ, Вологодское собр., № 170). Автографы Д. сохранились в архивных документах (ЦГАДА).

Лит.: ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. С. 188—200; Кудрявцев И. М. 1) Артаксерксово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. / Подгот. текста, ст. и коммент. И. М. Кудрявцева. М.; Л., 1957. С. 90—98; 2) «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исслед. и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 155; Белоброва О. А. Об автографах Николая Спафария // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 259—265.

О. А. Белоброва

Долгоруков Владимир Михайлович (или Григорий Федорович) (конец XVII—начало XVIII в.) — князь, один из 50 стольников и спальников Петра I, отправленных за границу в 1697 г. для обучения архитектуре и морскому делу. Находясь в Венеции, Д. составил (или указал составить) выборочные переводы с итальянского из труда Палладио и других авторов: «Архитектура цивильная, выбрана из Палладиума, славнаго архитектора и из иных многих архитекторов славных от математики». Рукопись с переводами и чертежами (ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 258/463) «писана в Венеции 1699 месяца сентября учением и тщанием будучи тамо господина князя Долгорукова, а по русскому календару 7206». Этот факт переводческой деятельности так называемых «пенсионеров» Петра I не учтен в литературоведении. Текст перевода не опубликован.

Лит.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 220; Шляпки И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1894. С. 93; Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. Приложения. С. CCCLXVII; Шилков В. Русский перевод Витрувия начала XVIII века // Архитектурное наследство. Л.; М., 1955. Сб. 7. С. 89; Тиц А. А. Неизвестный русский трактат по архитектуре // Русское искусство XVIII века: Материалы и исследования. М., 1968. С. 17—31; Евсина Н. А. Архитектурная теория в России XVIII века. М., 1975.

О. А. Белоброва

Дори Иван (первая половина XVII в.) — переводчик, в 1637 г. в Посольском приказе в Москве перевел совместно с Богданом Лыковым «Космографию» Гергарда Меркатора (1512—1594), изданную на латинском языке в Амстердаме под заглавием «Atlas sive Cosmograficae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura» (известны 5 изданий, вышедших в период 1606—1623 гг.) и содержащую 230 глав. В этом труде после введения описываются Европа, Африка, Азия, Америка и расположенные там страны, в том числе Московия. Сохранившиеся списки древнерусского перевода «Космографии» Меркатора XVII и XVIII вв. входили в состав царской и патриаршей библиотек, переписывались в сборники, в частности географического содержания. Текст перевода полностью не публиковался. Труд Меркатора был положен в основу компилятивного сочинения «Космография 1670 года в 76-ти главах» (см.: *Космография*).

Соч.: Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. С. 190—191 (введение к «Космографии» Меркатора).

Лит.: Евгений. Словарь. Т. 2. С. 37; Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. М., 1862. Т. 1. С. 334—344; Соболевский. Переводная литература. С. 59—60, 65; Шляпки И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1894. С. 84; Глускина С. М. 1) Космография Богдана Лыкова 1637 г.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1949;

2) Космография 1637 года как русская переработка текста «Атласа» Меркатора // Палеографический сборник. М.; Л., 1954. Кн. 3. С. 79—99.

О. А. Белоброва

Дорохин Федор Феокистов (XVII в.) — сын боярский, возможный автор «Описания Турецкой империи». Д. был родом из Ельца; в 1660 г. под г. Чудновым он попал в плен к крымским татарам; был продан в 1662 г. туркам в Константинополь. Д. служил в турецком войске до 1674 г., когда ему удалось, уплатив выкуп (150 левов), выехать в Киев с торговыми людьми. По мнению П. Сырку, Д. возможный автор и составитель «Описания Турецкой империи», изобилующего личными наблюдениями и несущего черты труда военно-географического и топографическо-статистического характера. Помимо Турции описаны Иерусалим, Египет и Африканское побережье, города и острова Малой Азии. «Описание» известно в одном списке, без упоминания имени его составителя; биография Д. изложена в «Донесении» киевского воеводы Ю. П. Трубецкого. Своеобразие «Описания» заключается в отсутствии упоминаний христианских святынь — храмов, мощей, икон и т. п., обычных в древнерусских хождениях. «Описание» замечательно также точным указанием расстояний между городами и селами, крепостями и естественными рубежами (горами, реками); повсюду Д. различает состав населения (турки, арабы, туркмены, курды, греки, албанцы, сербы, русские, венгры и др.).

Соч.: Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века / Под ред. П. А. Сырку // ППС. СПб., 1890. Вып. 30.

Лит.: Белоброва О. А. Черты жанра «хождений» в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 257—272.

О. А. Белоброва

Досифей (Дософтей) (1624—1694) — митрополит Молдавский (Сочавский), переводчик. Д. родился в Молдавии, получил образование в одной из духовных школ (в Яссах, Киеве или Львове?); в 1658 г. был епископом Хушским, в 1659 г. — Романским. С 1671 г. по 1686 г. Д. занимал митрополичью кафедру Молдавии (с перерывом на 1673—1675 гг., когда он удалялся в Польшу). В этот период Д. усиленно заботился о просвещении, в частности о книгопечатании; по его просьбе из Москвы в Яссы было прислано оборудование типографии (сохранились письма Д. 1679 г., адресованные московскому патриарху *Иоакиму* и *Николаю Спафарию* — см.: АИ. Т. 5. № 50; в Молитвеннике 1681 г. сохранилось печатное указание о привозе из Москвы типографии). В 1684 г. Д. отправился с молдавскими боярами в Москву, но не доехал дальше Киева из-за эпидемии чумы. Целью поездки было испрошение помощи и заступничества у московских царей Иоанна и Петра в борьбе против турок.

С 1686 г. Д. оставил Молдавию и переехал в Польшу, захватив мощи Иоанна Сочавского и архив митрополии при отступлении войск Яна Собесского под натиском турок. Здесь Д. проводит остаток жизни вплоть до 1694 г. (в научной литературе встречается ошибочное мнение, будто Д. переехал в Москву, где умер в 1711 г.). Этот период жизни Д. носит характер изгнания.

Д. знал греческий, латинский, славянский и другие языки и отличался широкой образованностью. Он перевел на румынский и молдавский несколько книг. Вслед за Яном Кохановским в 1660—1670 гг. Д. составил Рифмованную псалтырь (издана в Уневе в 1673 г.) силлабическим стихом различных размеров; тогда же им был переведен акафист Богородице. С греческого языка Д. перевел чин литургии (издан в 1679 г.). В 1680 г. Д. напечатал Псалтырь со славянско-румынскими параллельными прозаическими текстами, в 1681 г. — молитвенник с добавлением рифмованной

хронологии молдавских господарей. В 1682 г. Д. выпустил «Молдавские минеи», переведенные с греческого и славянского языков, и «Паремии», а также «Октоих» и литургию (сохранились в отрывках). Все эти книги набраны и изданы кириллицей, причем в переводах изобилуют славянские слова и выражения. Названные труды Д. принадлежат истории румынской и молдавской литературы.

После переезда в Польшу Д. переводит на славянский язык с новогреческого патристические и догматические сочинения. Это прежде всего творения Симеона Солунского (по ясскому изданию 1683 г.). Сохранился перевод — автограф Д. (б-ка Киево-Софийского собора, № 161/38), выполненный в 1690—1693 гг., и список с него (ГИМ, Синодальное собр., № 727) с правой переводчика (сочинения Симеона Солунского перешли в конце XVII в. в Москве и чудовский монах *Евфимий*, и *Николай Спафарий* по тому же ясскому изданию 1683 г.; оба перевода независимы). Тогда же Д. перевел 12 посланий Игнатия, архиепископа антиохийского, несколько полемических статей о времени пресуществления святых даров (компиляция из разных авторов, в их числе Германа, константинопольского патриарха, Иоанна Златоуста, Василия Великого и др. — ГИМ, Синодальное собр., № 436, автограф Д.; известны еще 3 списка). Известны также переводы Д.: 35 «слов» Иоанна Златоуста (ГИМ, Синодальное собр., № 446, автограф Д. с посвящением царям московским Иоанну и Петру), два «слова» Ефрема Сирина, жития св. Онуфрия, Панкратия Тавроменийского, Михаила Малейна, статья о сивиллах с параллельными греческим, латинским, молдавским и славянским текстами (все — кириллицей!) (б-ка Киево-Софийского собора, № 161/38) и статья «Уставы или заповеди святых апостол» (б-ка Киево-Софийского собора, № 232/61). Все эти переводы не опубликованы. Переводы Д., достигавшие Москвы еще при его жизни, переписывались; особенный интерес к ним проявили в Киеве конца XVII—начала XVIII в. Среди его переводов, хранящихся в Библиотеке Академии наук Румынии, — Хронограф Матфея Кигалы (№ 3456).

Из обширного литературного наследия Д., стоявшего на стыке русско-украинско-молдавско-румынской культуры XVII в., в новое время опубликованы его единичные письма к Николаю Спафарию (1679 г.) и к патриарху Иоакиму (1679, 1683 гг.).

Соч.: Psaltirea în versari 1673 / Ed. critică de N. A. Ursu. Cu un cuvint înainte de Justin Moisescu. Jasu, 1974; Dosoftei. Opere / Ed. N. A. Ursu. București, 1978. Vol. 1.

Лит.: Чебан С. Н. Досифей — митрополит сочавский и его книжная деятельность. Киев, 1915; Соболевский. Переводная литература. С. 300, 303, 307, 319, 321; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1899. С. 129, 223—224; Misterski H. Psaltirea în versuri metropolitului moldawskiego Dosoftei'a a Psalterz Dawidów Jana Kochanowskiego. Poznań, 1970; Двойченко-Маркова Е. М. Из истории русско-румынской культурных взаимосвязей XVII века // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 271—273; Dosoftei. 1624—1693: Bibliogr. Aniversari UNESCO. București, 1974; Dictionarul Literaturii române de la origini pînă la 1900. București, 1979. P. 296.

О. А. Белоброва

Дохтуров Герасим Семенович (XVII в.) — дворянин московский, в 1645—1646 гг. гонец (посланник) московского правительства в Англию, автор статейного списка о посольстве. Целью посольства было оповещение о воцарении *Алексея Михайловича* после смерти *Михаила Федоровича* и разведывание «всяких вестей» из области международной политики. Посещение Англии московским посольством пришлось на период острого конфликта между королем Карлом I и парламентом; в результате Д. не был допущен к королю и оставался в течение полугода гостем купеческих торговых компаний. В статейном списке Д. содержится описание морского

пути (с штормовыми бурями) от Архангельска до берегов Англии, сведения о причинах борьбы между королем и парламентом, характеристика парламента, где гонца принимали с почетом, рассказ об обмене речами и т. п. В литературном отношении статейный список вполне традиционен.

Д. упоминается в дипломатических и административных документах с 1642 по 1676 г.; он участвовал в посольствах в Данию, Швецию, Польшу; с 1666 г. числился думным дьяком; сын Д. Степан — стряпчий, позднее стольник, известен владельческим книжным знаком 1671 г., вклеенным в список Степенной книги (БАН, 32.8.4, л. 7 об.; воспроизведение см.: Щ а п о в Я. Н. К истории русского книжного знака конца XV—XVI вв. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 92).

Соч.: Рогинский З. И. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645—1646 гг. Ярославль, 1959 (по списку ЦГАДА).

Лит.: Алпатов М. А. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. Историография всеобщей истории: Сб. статей. М., 1966. С. 102—108; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 158—160 (с родословной схемой Дохтуровых).

О. А. Белоброва

Дуров Александр Степанович (ум. после 1671) — думный дьяк, составитель (совместно с Лаврентьем Кологривовым) статейных списков о посольствах в Крым в 1628 и 1630 гг. (не опубликованы); составитель, совместно с боярином князем А. Н. Трубецким и окольным Р. М. Стрешневым Переписной книги домового казны патриарха *Никона* в 1658 г. Во время поездок в Крым Д. был еще подьячим; в дальнейшем он служил в разные годы дьяком Ямского, Конюшенного, Стрелецкого приказов, дьяком Новой Чети, Приказа ратных дел, Приказа Большого прихода, участвовал в походе под Смоленск в 1632 г., в 1634—1635 гг. был в Казани, в 1643 г. служил при полковых воеводах в Туле и Белгороде, участвовал в 1654 г. в царском походе в Вязьму. В 1665 г. Д. был пожалован в думные дьяки Стрелецкого приказа. Последнее упоминание о нем в документах относится к 1671 г.

Текст Переписной книги домового казны патриарха *Никона* (давно введенный в круг документальных источников по истории русской культуры XVII в.) составлен по систематико-топографическому принципу: перечислены образа, кресты, ковчеги, панагии, сосуды, пелены, облачения, оклады, книги печатные и рукописные («писмяные»), утварь и другие предметы, относящиеся к имуществу сначала Казенного приказа, затем домового и патриаршей казны. Примечателен перечень официальных грамот, списки книг и рукописей на русском, греческом, латинском языках, в том числе приобретенных с помощью *Арсения Грека* и *Арсения Сузанова*, — всего 1384 книги; интересно упоминание коллекции западноевропейских гравюр («двести семьдесят листов фряжских»), чертежей и географических карт, произведений прикладного искусства, живописи и т. п. В перечне книг указаны их размеры («в десть», «в полдесть», «в четверть»), сохранность («ветха», «горелая»), переплеты («в коже», «в досках»), особенности письма или печати («письмо мелкое», «мелкой печати», «устав малой», «скорописная»), материал («на харатье, свитком», «писана по телятине»), место издания («печать Вилинская», «печать Киевская»). Столь же грамотно описаны седла и уздечки, оружие, запасы бумаги («пятнадцать дестей бумаги болшие александрейские»), воска, ладана, железа и т. п. Из Переписной книги следует, что именитые участники составлявшейся Д. описи выполняли охранные функции: запечатывали особо ценные предметы («ящик с мошии за печатью боярина князя Алексея Никитича Трубецкого», «ящик с лекарством за печатью околничего Родиона Матвеевича Стрешнева»). Ценность Переписной книги в том, что она со-

хранила опись патриаршей библиотеки, раскрыла механику изготовления подписей под ставлеными грамотами («станок, что печатывал ставленные грамоты, вместо подписи патриарховы руки», «печать делана с руки Никона патриарха ставленным грамотам»), назвала и более ранние описи: «. . . после Иосифа патриарха домово́й казны», «патриарха Филарета Никитича . . . домово́й келейно́й казне».

Соч.: Переписная книга домово́й казны патриарха Никона, составленная в 7166 году по повелению царя Алексея Михайловича / Сообщ. И. Д. Беляевым // ВОИДР. М., 1852. Кн. 15. Материалы. С. 1—134.

Лит.: Викторoв А. Е. Обзорение старинных описей патриаршей ризницы. М., 1875; Белокурoв С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898; Лупoв С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 175; Веселoвский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 164—165.

О. А. Белоброва

Евстратий (первая четверть XVII в.) — автор «Повести о некоей брани». Биографические сведения о Е. чрезвычайно скудны. Они ограничены почти исключительно теми неопределенными известиями, которые содержатся в тексте «Повести». Само имя Е. стало известно благодаря сделанной им и сохранившейся в конце двух из трех известных списков «Повести о некоей брани» приписке, зашифрованной числовой литореей. Обнаруживший в списке середины XVII в. из архива Выдубецкого монастыря (ГПБ, собр. ОЛДП, О.272) и расшифровавший ее С. Ф. Платонов заметил после этой шифрованной записи еще одну криптограмму, которая читается как «Стефанов». Объединив их, он решил, что полное имя автора повести Е. Стефанов. Однако он не обратил внимания на то, что вторая криптограмма написана в другой системе тайнописи, лигатурной скорописной вязью, и отделена от текста проблами пера, которые, вероятно, являются пробными попытками изобразить ее. Кроме того, С. Ф. Платонов не имел возможности сравнить список Выдубецкого монастыря с другими списками: в опубликованном им в РИБ списке ГПБ, F.IV.222 нет окончания «Повести», а список Флорищевой пустыни (Владими́ро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, инв. № 5636/396) не был ему известен. Между тем в наиболее раннем, начала XVII в., списке Флорищевой пустыни имеется только первая шифрованная запись, криптограммы «Стефанов» в нем нет. С. Ф. Платонов ошибочно объединил имена разных людей: имя автора Повести, зашифрованное числовой литореей, и имя писца Выдубецкого списка, который оставил свою подпись.

Суждения исследователей о социальной принадлежности Е. предположительны и противоречивы. Они сходятся только в том, что с большей или меньшей ясностью вытекает из содержания «Повести»: в 1608 г. Е. служил в Посольском приказе. Однако С. Ф. Платонов допускал, что Е. мог быть и монахом. А. А. Назаревский высказал гипотезу, согласно которой автор, будучи в момент описанных в Повести событий приказным человеком, в скором времени постригся в монахи. Основания для такого предположения он видел в стилистических особенностях «Повести», которая обнаруживает хорошее знакомство автора с церковной литературой, и в туманном сообщении Е. в конце «Повести» о том, что он написал ее по повелению «понуdivшего его» игумена некоей «честной обители». Некоторые дополнительные сведения дает запись на титульном листе *Азбуковника* ГПБ, Q.XVI.21, написанного, как доказала О. А. Белоброва, тем же Е. Из нее выясняется, что искусно украшенный *Азбуковник* Е. написал в 1621 г. в Соли Вычегодской для «Ивана Петрова сына (X)ори(ы)гина».

Единственное самостоятельное произведение Е. — «Повесть о некоей брани, належашей на благочестивую Россию грех ради наших, и о видении некоего знамения в нынешнем последнем роде нашем» — была написана,